

ВВЕДЕНИЕ

Лет десять назад я наткнулся на одну древнюю карту, изучение которой сулило невиданную перспективу. Хотя это была не карта захороненных на морском дне или на островах сундуков с золотом, она стала для меня дорожкой всех сокровищ мира, поскольку позволяла взглянуть на историю человечества, в частности — на историю Великих географических открытий, в новом, совершенно непривычном ракурсе. Эта карта настолько поразила мое воображение, что с тех пор я посвятил все свое время поискам других древних карт, лоций и документов, которые могли бы подтвердить начавшую формироваться в моем сознании казалась бы, совершенно невероятную теорию.

Изыскания по истории Средневековья, в частности по истории великих географических открытий, привели меня в Миннесоту. Кое-кому может показаться странным то обстоятельство, что я отправился на розыски старинных документов в эти края, но, по правде говоря, ничего удивительного тут нет. Дело в том, что библиотека им. Джеймса Форда Белла при университете штата Миннесота содержит одно из крупнейших в мире собраний древних карт и лоций. Именно там я и обнаружил коллекцию сэра Томаса Филлипса, жившего в XVIII столетии. Долгое время его собрание считалось утраченным и было найдено всего 50 лет назад.

Карта, которую я отыскал в его коллекции, датировалась 1424 г. и была составлена венецианским картографом по имени Дзуане Пиццигано (Zuane Pizzigano).

На ней были изображены Европа и часть Африки, и я, сравнив эту карту с современной, поразился тому, с какой точностью средневековый картограф очертил контуры Европы. Более всего, однако, мое внимание привлекла изображенная картографом группа из четырех островов, находившихся в западной части Атлантики. Дело в том, что в указанном венецианцем месте подобных больших островов нет, не говоря уже о том, что их названия — Сатаназес, Антилия, Сайя и Имана (Satanazes, Antilia, Saya, Ymana) — абсолютно ничего мне не говорили. Конечно, тут могла быть элементарная ошибка в счислении — люди в XV в. не умели достаточно точно определять географическую долготу и широту, — но первой моей мыслью было, что эти острова существовали лишь в воображении картографа. Другими словами, поначалу я решил, что он их просто-напросто выдумал.

Я еще раз пригляделся к карте. Два самых больших острова были окрашены в яркие цвета: Антилия — в темно-синий, а Сатаназес — в ярко-красный. И это притом, что вся остальная карта вовсе не была раскрашена! Это могло означать только одно: составитель карты придавал этим островам чрезвычайно важное значение, возможно, по той причине, что они были открыты недавно. Все обозначения на карте были на старопортугальском языке. Я обратил внимание на названия. Сложное слово «Антилия» состояло из слов «илия» — «остров» и «анти» — то есть «против, напротив», что можно было истолковать как «остров, расположенный в противоположной от Португалии части Атлантики». Ничего кроме этого данного в названии указания не могло мне помочь правильно идентифицировать этот остров. То же самое можно сказать и об острове Сатаназес, или «острове Сатаны», название которого звучало довольно зловеще и говорило само за себя.

Изображение острова Антилия было испещрено всевозможными надписями — по-видимому, названиями селений и городов. Судя по всему, этот остров был изучен лучше остальных. На Сатаназесе же было всего пять надписей,

и среди них такие загадочные, как «кон» и «имана» (con, umana).

Нечего и говорить, что мое любопытство было возбуждено до крайности. Что это за острова? Существовали ли они в действительности? И если да, то где? Хотя в подлинности карты сомневаться не приходилось, я прекрасно отдавал себе отчет в том, что эта часть Атлантики в первой четверти XV в. европейцам была совершенно неизвестна. Я с головой ушел в работу с документами и через две недели пришел к выводу, что упомянутые Антилия и Сатаназес не что иное, как острова Карибской группы Гваделупа и Пуэрто-Рико. Это означало, что кто-то исследовал и нанес эти острова на карту за 70 лет до того, как Колумб (Cristoforo Colombo, исп. Cristobal Colon; 1451–1506) достиг Карибского моря. Напрашивался вывод, что открытие Нового Света следует приписывать не Колумбу, а какому-то другому, неизвестному нам выдающемуся путешественнику, по-видимому, португальцу.

Этот вывод показался мне настолько невероятным, что я решил проконсультироваться с известным знатоком в области португальского Средневековья профессором Жоау Камилу душ Сантушем (José Camilo dos Santos). Он исследовал карту и обратил мое внимание на то, что загадочные слова «кон» и «имана» можно истолковать так «здесь было извержение вулкана». Эти слова были написаны в южной части острова Сатаназес — как раз там, где на Гваделупе находятся три действующих вулкана. Вставал вопрос: было ли их извержение до 1424 г.? Я сразу же связался со Смитсоновским институтом в Вашингтоне, и мне там ответили, что извержение вулканов на Гваделупе действительно произошло между 1400 и 1440 гг. Более того, я установил, что за означенный период на других островах Карибского бассейна извержений вулканов не отмечалось. Стало быть, это действительно была Гваделупа, и этот факт свидетельствовал в пользу моей теории о том, что некий путешественник достиг Карибского моря и основал на его островах поселения за 68 лет до Колумба.

Профессор душ Сантуш дал мне рекомендательные письма к директору Государственного архива в Лиссабоне, и я продолжил свои изыскания в Португалии. Роясь в древних манускриптах и картах, я, к большому своему удивлению, обнаружил, что португальцы не имели никакого отношения к открытию островов, нанесенных Пиццигано на карту. Более того, когда венецианец чертил свою карту, португальцы не имели об этих островах ни малейшего представления. Первое изображение острова Антилия на португальских картах датируется лишь 1428 г. — по-видимому, примерно в это время карта венецианца или аналогичная ей попала в руки португальцев и была ими скопирована. Косвенно это подтверждал и изданный в 1431 г. португальским принцем Генрихом (Энрике; dom Henrique of Portugal) Мореплавателем приказ, в котором он обязал своих капитанов плыть на запад и найти нанесенные на карту острова. Если бы португальцы к тому времени уже открыли, к примеру, Антилию, принцу незачем было бы издавать такое распоряжение.

Но если Антилию и Сатаназес открыли не португальцы, то кто, спрашивается, это сделал? Кто снабдил Пиццигано и других картографов информацией об островах Карибского бассейна?

Я снова принялся листать толстые тома истории Средних веков. Пытался выяснить, какое государство в первой четверти XV в. обладало достаточно мощным флотом и подготовленными моряками, чтобы иметь возможность предпринять подобное грандиозное плавание. Венеция, одна из старейших морских держав в Европе, в те годы уже клонилась к упадку. Старый дож был болен, власть утекала у него сквозь пальцы, словно песок, а его преемник готовился урезать расходы на флот, казавшиеся ему непомерными. У других же европейских держав кораблей едва хватало, чтобы поддерживать прибрежную торговлю, а Португалия основательно увязла в войнах с султанами Северной Африки. Египетские правители также были заняты войнами, преимущественно междоусобными, и им было не до дальних морских походов. Мощнейшая же империя

Тамерлана после его смерти распалась на несколько государств, которые в морском отношении ничего собой не представляли.

Кто же в таком случае мог добраться до Карибского моря и исследовать его острова? Чтобы ответить на этот вопрос, я решил изучить все имевшиеся в моем распоряжении старинные карты начала XV в. с изображением морей, океанов и континентов. Чем глубже я копал, тем больше золотых самородков мне удавалось добывать. Неожиданно выяснилось, что Патагония и Анды были нанесены на карту за столетие до того, как их впервые посетили европейцы. С Антарктики же планы были сняты за несколько столетий до ее открытия европейцами. То же самое можно сказать и о побережье Восточной Африки и об Австралии, открытой Джеймсом Куком спустя 300 лет после описываемых здесь событий. На других картах можно было распознать Гренландию, а также очертания Северной и Южной Америк, которые омывались Атлантическим и Тихим океанами.

Чтобы с такой точностью и мастерством нанести на карту весь подлунный мир, неизвестным мореходам требовалось как минимум совершить кругосветное путешествие. Более того, эти люди должны были знать правила навигации и обладать умением точно определять положение своего корабля или вновь открытого ими острова в Мировом океане. Принимая же во внимание то обстоятельство, что они месяцами находились в открытом море, им необходимо было научиться опреснять воду и хранить в течение длительного времени продукты питания. Я пришел также к выводу, что эти неизвестные путешественники были отличными геологами, натуралистами, знали, как составлять гербарии, снимать шкуры с животных и набивать чучела. Другими словами, они знали и умели все то, о чем в тогдашней Европе и представления не имели, и намного опередили своих западных конкурентов как мореходы, инженеры, ученые и естествоиспытатели. Остается только удивляться, что такие искусные путешественники, совершившие величайшие

открытия в истории человечества, были этим самым человечеством незаслуженно забыты, а записи о них уничтожены.

Обдумав все это, я пришел к весьма неутешительным для себя выводам. Продолжать свои изыскания означало бросить вызов устоявшимся знаниям человечества об истории географических открытий и даже о развитии цивилизации как таковой. К примеру, каждому школьнику известно, что Бартоломеу Диаш (Bartolomeu Dias; ок. 1450–1500) отплыл в 1487 г. из Португалии и первым обогнул мыс Доброй Надежды — самую южную точку на побережье Африки. Еще один португалец, Васко да Гама (Vasco da Gama; 1469–1525¹), десятью годами позже пересек Индийский океан и открыл морской путь в Индию, по которому в Европу потекли восточные пряности, благовония и специи. 12 октября 1492 г. Христофор Колумб, увидев на горизонте один из Багамских островов, вошел в историю как первооткрыватель Нового Света. Он совершил еще три путешествия в Новый Свет, открыл множество островов Карибского моря и добрался до Центральной Америки, хотя сам всю жизнь считал, что достиг южного побережья Азии. Фердинанд Магеллан (Ferdinand Magellan; ок. 1480–1521) открыл пролив между Атлантическим и Тихим океанами, который и по сию пору носит его имя. Продолжая плыть на запад, он обогнул землю, то есть совершил кругосветное путешествие, хотя сам до триумфального возвращения в Испанию не дожил. 27 апреля 1521 г. он был убит в стычке с туземцами на Филиппинах.

Все эти люди были многим обязаны принцу Энрике Мореплавателю (1394–1460), чей расположенный на юго-западе Португалии замок стал своеобразной академией для множества исследователей, картографов, мореплавателей и кораблестроителей. Именно там обрабатывалась оптимальная конструкция европейского морского судна и изготавливались точные навигационные приборы, позволившие

¹ По другим источникам 1469–1524 гг. (*Прим. ред.*)

европейцам отправиться в странствия по морям и океанам, открывать новые земли, исследовать и колонизировать их.

Как-то раз, закончив работать в Государственном архиве Португалии Торре ди Томбу, я зашел в бар на набережной Лиссабона и просидел там несколько часов, созерцая в задумчивости памятник Энрике Мореплавателю. Бронзовые губы принца были изогнуты в загадочной улыбке: казалось, он знал нечто такое, чего не знал я. В самом деле, кто же это те великие мореходы, которые, не оставив после себя почти никаких следов, совершили кругосветное путешествие и нанесли на карту Америку задолго до рождения Магеллана и Колумба?

Наконец я пришел к убеждению, что нация, чьи посланцы достигли Патагонии, Антарктики и открыли Южные Шетландские острова, должна была обладать такими великими познаниями о мире и такими гигантскими материальными ресурсами, какими в то время не обладала ни одна нация на земле. За исключением Китая.

Это убеждение, однако, каким бы твердым оно ни было, нисколько не облегчило моей задачи. Во-первых, потому, что мне необходимо было основательно аргументировать свою теорию, а сделать это было трудно, если не сказать невозможно. Прежде всего потому, что китайцы в связи с происшедшими радикальными изменениями в своей внешней политике уничтожили в середине XV в. почти все карты и документы, относившиеся к описываемому нами периоду. После сделанных Китаем великих географических открытий нация неожиданно замкнулась в себе, и все, что свидетельствовало о ее недолгой попытке международной экспансии, было самым тщательным образом вымарано из книг и летописей. По этой причине, чтобы написать историю великих китайских путешествий, мне пришлось бы по крупицам собирать свидетельства в других источниках, а это такая грандиозная работа, за которую, по правде говоря, было страшно приниматься. Отпугивало уже одно то, что мне, историку-дилетанту, командиру подводной лодки в отставке, предстояло доказывать свою гипотезу крупнейшим мировым авторитетам в области истории, географии

и этнографии. Впрочем, в отличие от последних у меня было одно преимущество. Будучи военным моряком, поступившим на службу в Королевский военно-морской флот в пятнадцатилетнем возрасте, я за 17 лет службы избороздил на кораблях и судах все моря и океаны, следуя по пути многих великих путешественников. К примеру, командуя подводной лодкой Ее Величества «Рокуэл», я за период с 1968 по 1970 г. неоднократно ходил из Китая в Австралию, пересекал Тихий океан и добирался до американского побережья.

В перископ своей субмарины я видел примерно то же, что видели с палубы своих кораблей морские бродяги древности, — прибрежные скалы, склоны, отмели, очертания дальних гор. Временами этот вид был удручающе однообразным, временами обманчивым, а ведь известно, что без видимых ориентиров моряку даже в каботажном плавании определить не просто. В дни моей молодости еще не существовало спутниковой навигации, и мы, моряки подлодки, определяли положение своего судна по звездам — как и тысячу лет назад. Главными путеводными звездами-маяками в Южном полушарии для моряков испокон веку являются Канопус и Южный Крест. По этой причине эти звезды играют чрезвычайно важную роль в моем повествовании; кстати, не будь у меня знаний по астронавигации, полученных мной в военно-морском училище, я никогда бы не написал эту книгу и сделанные мной открытия так и остались бы неизвестными.

Рассматривая старинную карту, обыватель видит на ней лишь причудливо изогнутую или изломанную тонкую линию, контур, в большей или меньшей степени соответствующий его представлению об очертаниях той или иной земли или местности, но опытный навигатор-историк, глядя на ту же карту, скажет вам намного больше. К примеру, он сможет вам сообщить, откуда плыл картограф, наносивший побережье на карту, в каком направлении и с какой скоростью он плыл. Он также знает, как далеко находился картограф от берега и насколько точно он определял свое местоположение. Он сможет даже сказать, ночью или

днем проводил картограф наблюдения и чертил свою карту, и почему он принял за остров стоявшую на берегу в отдалении высокую гору.

Я видел карты, датировавшиеся XV — началом XVI в., на которых были изображены части света, неизвестные в тогдашней Европе. Эти карты имели погрешности и неточности. Прямо скажем, некоторые материки и острова было просто невозможно узнать, или они располагались совсем не там, где следовало бы. Многие ученые считали эти карты с точки зрения географии совершенно бесполезными, но я думал иначе. Я снова и снова возвращался к ним, изучал их, и по мере того, как я проникался сознанием чертившего их средневекового мастера, передо мной во все большей полноте открывалась новая, непривычная для большинства людей картина средневекового мира.

Дальнейшие изыскания подтвердили мою мысль о том, что несколько китайских флотов предприняли в начале XV в. ряд путешествий по Мировому океану, открывая новые острова и земли. Последнее и самое грандиозное из них, когда в плавании принимала участие составленная из четырех флотов гигантская армада, началось в 1421 г. Последние же из уцелевших в дальних морских странствиях кораблей вернулись в Китай летом или осенью 1423 г. Записей о том, куда и где ходили эти суда целых два года, практически не осталось. Тем не менее карты того времени, если их правильно читать, подтверждают тот факт, что эти суда не только обогнули Африку у мыса Доброй Надежды и пересекли Атлантику, открыв изображенные на карте Пиццигано острова Антилию и Сатаназес, но добрались и до Антарктики, Северной и Южной Америк, пересекли Тихий океан и дошли до Австралии. Китайцы в ту пору уже решили проблему вычисления географической долготы и широты и нанесли на карты со всей возможной для своего времени точностью открытые ими земли.

В детстве меня до пяти лет воспитывала «ама» — китайская нянька. Помню, как я горевал, когда пришло время с ней расставаться. В дальнейшем я не раз возвращался в Китай, но должен сказать, что хотя я всегда проявлял

к этой стране огромный интерес, ее историю, к большому своему стыду, я знал скверно. Поэтому, прежде чем засесть за описание истории великих китайских географических открытий, мне пришлось основательно заняться изучением китайского Средневековья. Для меня это было тоже своего рода открытием — подозреваю, что большинство обитателей западных стран, какими бы образованными они себя ни считали, столь же невежественны в области китайской истории, каким был когда-то и ваш покорный слуга. Чем больше я занимался историей Китая, тем сильнее проникался восхищением перед этой могучей, древней, удивительно по-своему совершенной цивилизацией. Китайские наука, технологии и знания о мире в XIV–XV вв. разительно опережали европейские науку и знания. Должно было пройти три, а то и пять столетий, чтобы европейцы сумели сравняться с достижениями в той или иной области познания, существовавшими в средневековом Китае.

Получив кое-какие знания об истории китайской цивилизации, я в течение последующих десяти лет странствовал по земному шару, стараясь следовать по пути, проложенному китайскими путешественниками древности. Помимо того, я копался в различных архивах, музейных и библиотечных фондах, бродил по залам древних дворцов и замков, посещал известные с давних времен морские порты, исследовал береговую линию, прибрежные скалы и отмели тех или других стран, высаживался на отдаленных, забытых богом и людьми островах. Где бы я ни был, я всегда или почти всегда обнаруживал свидетельства, говорившие в пользу моей теории. По счастью, в мои руки попало несколько старинных документов, относившихся к исследуемой мною эпохе и счастливо избежавших уничтожения. Два из них представляли собой записи, сделанные китайскими историками, а один манускрипт принадлежал перу европейского торговца, волею судеб оказавшегося в нужное время в нужном месте. Существовали и другие рукописи европейцев, которые обнаружили материальные свидетельства пребывания китайцев на далеких островах и землях и не забыли о том упомянуть.

Этих материальных свидетельств оказалось довольно много — осколки китайской фарфоровой посуды, истлевшие куски шелка, жертвенники и священные изображения, статуэтки и другие произведения искусства, резные каменные плиты, установленные китайскими моряками в ознаменование своих открытий, обломки джонок и сампанов, оставленных китайцами у побережий Америки, Австралии и Новой Зеландии. Мою теорию подтверждало также наличие растительности, чуждой для этих краев и земель, зато в изобилии произраставшей на территории Китая. Все, что я находил, говорило о сравнительно большой точности средневековых географических карт, которые я обнаружил и которые всецело овладели моим воображением. Увы, заключающаяся в этих картах информация не привлекла внимания известных китайских историков, но не потому, что им не хватало знаний или широты кругозора. Причина этого, на мой взгляд, крылась прежде всего в том, что они не знали астронавигации и имели весьма слабое представление о том, что такое Мировой океан. Мне же удавалось добывать ценнейшие сведения лишь потому, что я знал, как правильно читать и толковать старинные карты. Благодаря этому своему умению я сумел восстановить путь, пройденный китайскими флотами с 1421 по 1423 год.

Колумб, да Гама, Магеллан и Кук, сделав со временем те же «открытия», что и китайцы, объявили себя первооткрывателями. При всем том они знали, что следуют по пути других мореходов, поскольку, отправляясь в плавание по неизвестным морям, брали с собой копии китайских карт и лоций. Не могу не привести весьма уместную в данном случае известную цитату: «Если они и видели дальше, чем другие, то только потому, что стояли на плечах гигантов».

КИТАЙ ВРЕМЕН
ИМПЕРИИ

ВЕЛИКИЙ ЗАМЫСЕЛ ИМПЕРАТОРА

Второго февраля 1421 г. Китай продемонстрировал свое величие всем остальным нациям на земле. В этот день, считавшийся согласно китайскому календарю первым днем нового года, в празднично украшенном Пекине собрались властители и послы государств Азии, Аравии, Африки и бассейна Индийского океана, чтобы продемонстрировать свою преданность императору Чжу Ди (Zhu Di), Сыну неба. Флот, состоявший из огромных кораблей,

которыми командовали обученные тонкому искусству навигации капитаны, доставил всех этих разноплеменных государей и вельмож в Китай с определенной целью: чтобы они могли засвидетельствовать свою покорность Сыну неба и принять участие в церемонии освящения и открытия обнесенной стенами прекрасной и загадочной цитадели, именовавшейся Запретным городом. Всего на церемонии присутствовали 28 царей, князей и глав государств, но императора Священной Римской империи, византийского императора, венецианского дожа, а также королей Англии, Франции, Испании и Португалии среди высоких гостей не было. Властители этих варварских и безнадежно отсталых,

по мнению китайского императора, стран подобной чести не заслуживали.

Чжу Ди был четвертым сыном Чжу Юаньчжана (Zhu Yuanzhang), который стал первым китайским императором из династии Мин (Ming), хотя и родился в семье бедного крестьянина в одной из самых отсталых провинций империи¹. В 1352 г., за шесть лет до рождения Чжу Ди, в стране произошло ужасное наводнение. Желтая река (Yellow River) вышла из берегов и широко разлилась, снося на своем пути деревни и города и превращая ухоженные крестьянские поля в озера и непролазные топи. Начался невиданный голод, к которому прибавились также многочисленные эпидемии.

С 1279 г., после завоевания Китая ханом Хубилаем (Kublai Khan), внуком великого Чингисхана, страна находилась под монгольским правлением. Но в 1352 г. беднейшие китайцы, доведенные до отчаяния голодом, болезнями и нищетой, восстали против своих монгольских правителей. Восстание началось в районах Гуанчжоу (Guangzhou) и дельты реки Чжуцзян (Pearl river) и быстро распространилось на окрестные провинции. В вооруженной борьбе против монгольских феодалов принял участие и Чжу Юаньчжан, который довольно быстро выдвинулся в руководители восстания. Ему удалось привлечь на сторону повстанцев солдат и многочисленных малоземельных крестьян. В течение трех лет восстание охватило почти всю территорию Поднебесной. Лучшие в мире воины, монголы, за годы правления в Китае переняли роскошь высших классов, превратились в слабых и изнеженных людей и утратили бывшие воинские навыки. Когда дошло до столкновений с созданной отцом Чжу Ди повстанческой армией, неожиданно выяснилось, что монголы не в состоянии ей противостоять. В 1356 г. армия Чжу Юаньчжана захватила Нанкин (Nanjing) и отрезала пути поставок продовольствия в тогдашнюю столицу монголов город Тату (Пекин).

¹ Провинция Аньхой на северном берегу реки Янцзы, находится на востоке центрального Китая. (Если не указано иное, то *прим. авт.*)

Чжу Ди было 8 лет, когда возглавляемая его отцом армия вошла в Тату. Последний император монголов Тогон Тимур (Toghon Temur) отступил с остатками своих войск на север, в бескрайние монгольские степи. Чжу Юаньчжан объявил о создании новой династии — Мин — и провозгласил себя императором, избрав в качестве такового имя Хон Ву (Hong Wu)¹. Чжу Ди поступил в китайскую кавалерию и зарекомендовал себя храбрым и знающим офицером. В 21 год он отправился воевать против монголов, которые все еще контролировали горную провинцию Юньнань (Yunnan), находившуюся на границе с Тибетом и Лаосом. В 1382 г. он получил приказ захватить Куньмин (Kung Ming) — последний укрепленный пункт монголов к югу от Облачных гор (Cloud Mountains). После того как город был взят, китайцы перебили всех взрослых защитников мужского пола, а попавших в плен мальчиков кастрировали. Тысячи юных монголов лишились своих гениталий, и многие после этого умерли от шока, инфекции и потери крови. Те же, кто выжил, были включены в состав императорской армии и служили своим победителям в качестве слуг, носильщиков и погонщиков скота.

Обычно евнухи исполняли обязанности «дворцовых слуг, надсмотрщиков в гареме, а также доносчиков и шпионов»². Евнухи сыграли важную роль в истории Древнего Рима, Греции, Северной Африки и Азии, и Китай в этом смысле не был исключением³. Как это ни удивительно, евнухи отличались преданностью своим хозяевам, хотя были

¹ Китайских императоров называли не по имени, а величали особым титулом, каждый раз новым, а после смерти — «храмовым» именем, например «Искренний император». Таким образом его приближенные хотели подчеркнуть главную черту в характере своего усопшего правителя.

² Mary M. Anderson, *Hidden Power: The Palace Eunuchs of Imperial China Prometheus*, Buffalo, New York, 1990, pp. 15–18, 307–11 [Мэри М. Андерсон. «Скрытая сила. Евнухи при дворе императорского Китая»].

³ R. H. Van Gulik, *Sexual Life in Ancient China*, Leiden, 1961, p. 256 [Р. Х. Ван Гулик. «Сексуальная жизнь в Древнем Китае»].

изуродованы по их приказу и знали об этом. Они служили китайским императорам примерно с VIII в. до н. э., и их число в столице и при дворе доходило порой до 70 000. Прислуживать особе императора разрешалось только кастратам; точно так же кастраты обслуживали и охраняли женщин из императорской семьи, а также императорских наложниц, населявших особый, скрытый от прочих смертных квартал — Внутренний город (Great Within), находившийся за стенами императорского дворца.

У императоров имелись тысячи наложниц, бывших своего рода символом императорской власти и могущества. Кроме того, рожая императорам младенцев мужского пола, они обеспечивали преемственность императорской власти в те годы, когда детская смертность была очень высока. Немаловажную роль наложницы играли и в ритуале поклонения культу предков, являвшемуся неотъемлемой частью китайской религиозной и культурной традиции.

Кроме евнухов и, разумеется, самого императора, в покои наложниц не допускался ни один представитель мужского пола, будь то даже ближайший родственник государя. Нарушителя ждала смертная казнь. Подобная мера давала гарантию, что всякий родившийся в этих стенах младенец является императорским отпрыском, в жилах которого течет священная кровь властителя Поднебесной.

Евнухи способствовали также поддержанию атмосферы таинственности и святости, окружавшей императорский трон. Считалось, что боги, предоставившие императору своеобразный «небесный мандат» на власть в империи, могли по причине греховности, дурных наклонностей или недостойного поведения того или иного венценосца лишиться его этого права, особенно если тому найдутся свидетели. По этой причине простым смертным запрещалось созерцать священную особу императора. Даже сановники самого высокого ранга, обращаясь к императору, всегда опускали глаза. За соблюдением этого ритуала строжайшим образом следили евнухи. Когда же император шествовал по улице, они закрывали его от взглядов толпы особыми, специально предназначенными для этого ширмами. Только

«женоподобным, раболепным евнухам», чья жизнь и благосостояние напрямую зависели от воли их властителя, позволено было подмечать кое-какие маленькие слабости и грешки государя¹.

Ма Хо, один из юношей, кастрированных в Куньмине, был взят ко двору Чжу Ди, где получил новое имя — Чжэн Хэ (Zheng He). Хотя обычно китайцы старались не брать на службу мусульман, в отношении Чжэн Хэ, хотя он и был истовым мусульманином, было сделано исключение, поскольку он зарекомендовал себя отличным воином. Со временем Чжэн Хэ сделался ближайшим советником Чжу Ди. Это был огромного роста человек, который буквально нависал над своим хозяином. Некоторые источники утверждают, что был он около двух метров ростом и весил под 100 килограммов, хотя при этом передвигался «с грацией и ловкостью тигра»². Когда Чжу Ди сделали князем и губернатором провинции Йен (Yen), Чжэн Хэ последовал за ним. Теперь им была доверена важнейшая миссия — защищать от набегов монголов северные провинции Китая. Чжу Ди устроил свою ставку в Тату — бывшей монгольской столице, которую он переименовал в Пекин. К 1387 г., после более чем тридцатилетней войны с монголами, с владычеством чужеземцев в Китае было покончено. Отец Чжу Ди — престарелый и страдающий паранойей император Хон Ву, изгнав со своей земли монголов, со всем пылом душевнобольного занялся проверкой на лояльность своих военачальников и вельмож, подвергая репрессиям каждого, кто, по его мнению, мог угрожать — пусть даже и в отдаленном будущем — его власти. По этой причине многие военачальники, чтобы избежать связанного с судебным разбирательством бесчестья, считавшегося хуже смерти, кончали жизнь самоубийством. Но жестокому Хон Ву этого было явно недостаточно, поскольку он послал на плаху

¹ См. Mary M. Anderson.

² Dorothy and Thomas Hoobler, *Images across the Ages: Chinese Portraits*, Raintree, Austin, Texas, 1993 [Дороти и Томас Хублер. «Образы через века. Портреты китайских властителей»].

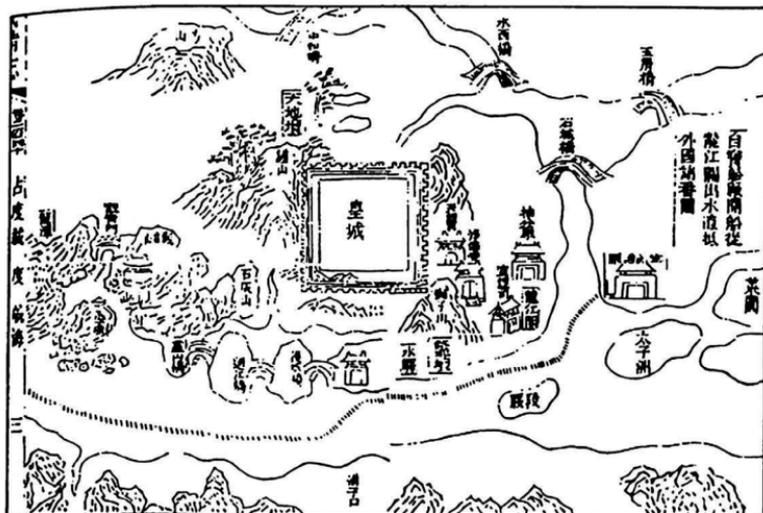
в общей сложности несколько десятков тысяч чиновников и военных.

После смерти старшего сына император Хон Ву назначил наследником престола своего внука Чжу Юньвэня (Zhu Yunwen), племянника Чжу Ди. Чжу Ди император не доверял, поскольку считал его монголом. Тому были причины: когда Хон Ву женился на монгольской принцессе, она уже носила под сердцем ребенка (Чжу Ди), о чем император не был своевременно поставлен в известность. Когда старый император в 1389 г. умер, Чжу Юньвэнь продолжал проводить его политику — то есть уничтожал всех своих потенциальных противников. Летом 1390 г. он, желая расправиться с Чжу Ди, послал своих людей на север страны. Чтобы избежать кинжалов убийц, Чжу Ди покинул свой роскошный и благоустроенный дворец и сделался бродягой. В течение нескольких месяцев он спал по ночам в канавах, а днем бродил по улицам. Он имитировал сумасшествие, стал неопрятным и грязным и, уж конечно, не походил на принца из императорского дома. Посланные племянником убийцы так его и не нашли. Между тем Чжу Ди решил нанести ответный удар своим преследователям. Тайно собрав верных ему людей во главе с Чжэн Хэ в пекинском парке, куда он предварительно запустил стадо гусей, чтобы их гогот заглушил звон оружия, Чжу Ди напал на своих преследователей и всех их перебил. После этого, воодушевленный успехом, стал собирать и обучать собственную армию.

Когда Чжу Юньвэню доложили о неудаче, постигшей его людей, он в самый короткий срок собрал полумиллионное войско и направил его во владения своего дяди. Между тем полили дожди и настали холода; солдаты же Чжу Юньвэня, двигавшиеся на север от Нанкина, были одеты в летнюю форму и обуты в соломенные сандалии. Поэтому, когда началась зима и пошел снег, многие солдаты просто-напросто замерзли. Армия Чжу Ди проводила маневры неподалеку от Пекина, и когда утомленные и деморализованные долгим переходом и холодами войска Чжу Юньвэня начали наступление на город, оказала им ожесточенное сопротивление. В сражении приняли участие даже пекинские

женщины, которые швыряли со стен во вражеских солдат глиняные горшки.

В 1402 г. Чжу Ди во главе большой армии выступил в поход на юг — на Нанкин. Население столицы империи не было единым. Мандарины — образованная элита Нанкина — ненавидели придворных евнухов. Эта антипатия имела глубокие корни и была почти такой же древней, как и сама Китайская империя. Дело в том, что евнухи как ближайшие слуги императора всегда имели возможность завести со своим повелителем полезный для них разговор. Подобно западноевропейским придворным, они обогащались и приобретали выгодные должности благодаря своим связям при дворе и близости к венценосной особе. В отличие от евнухов, населявших Внутренний город, мандарины безраздельно царили во Внешнем городе (Great Without), где обитали государственные чиновники всех степеней и рангов.

План императорского Нанкина из «Карты Мао Куня» (Mao Kun Map), части трактата «Записки об оружии и [военном] снаряжении» (Wu pei chi). Этот трактат XVII в. по истории оружия и вооружений включает в себя также иллюстрации из более ранних изданий. Справа, за мостом, судостроительные верфи

Человек становился мандарином и получал официальный государственный пост после долгих лет обучения и сдачи многочисленных государственных экзаменов. Главным предметом исследования тогдашних чиновников и ученых было наследие, оставленное великим китайским философом Конфуцием (551–479 гг. до н. э.), который крайне неодобрительно отзывался о евнухах, захвативших в государстве власть. Евнухи не получали воспитания в конфуцианском духе и в своей практической деятельности руководствовались исключительно указаниями императора. Мандарины же опирались на конфуцианскую этику и нравственный кодекс, направленные на поддержание порядка в обществе и на утверждение строгой иерархии путем недопущения действий, которые могли бы так или иначе нарушить дао (tao — взаимодействие естественных сил). Учение Конфуция строго определяло жизнь человека, его права и место в социальном устройстве общества. В соответствии с теорией Конфуция правильное государственное устройство основывалось на незыблемых принципах преемственности, когда «князь всегда остается князем, подданный — подданным, отец — отцом, а сын — сыном»¹. Сутью конфуцианского учения об обществе являлось идеально организованное государство, возглавляемое группой ученых мандаринов, всемерно заботящихся о поддержании раз и навсегда установленного в нем порядка. Становым хребтом такого общества по Конфуцию должно было быть мелкое и среднее крестьянство — только оно могло обеспечить обществу необходимую стабильность. Купцов, торговцев и иностранцев Конфуций не одобрял. По его мнению, они оказывали на дао негативное воздействие, без конца раскачивая и расшатывая его.

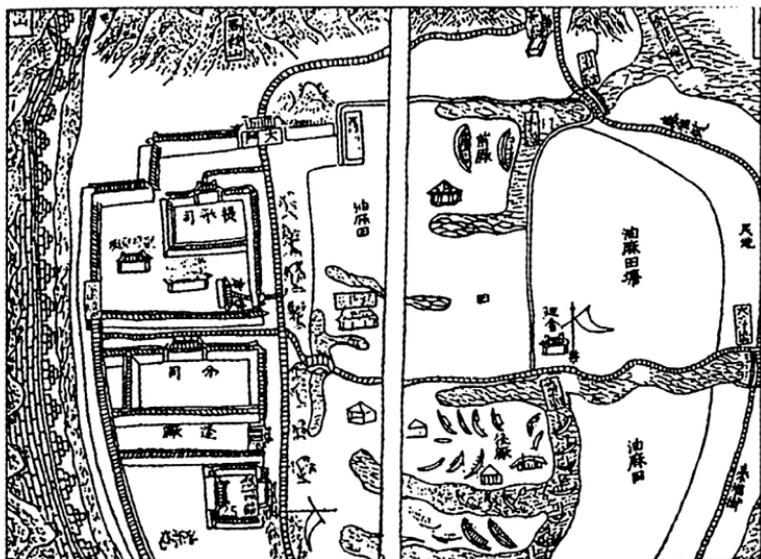
Окружавшие Чжу Юньвэня мандарины немало преуспели в своих стараниях ограничить привилегии придворных евнухов, лишив их власти и влияния, которыми они об-

¹ Confucius, as quoted by F. Braudel in *A History of Civilisations*, trs. R. Mayne, Penguin, Harmondsworth, 1994, p. 178. [Конфуций в цитатах Ф. Браудела из «Истории цивилизаций» под редакцией Р. Майна].

ладали. И поэтому, когда армия Чжу Ди появилась у стен столицы, именно евнухи распахнули перед ней ворота города. Чжу Ди завладел «троном дракона»¹ и провозгласил себя императором, взяв себе династический титул Юн Ле (Yong Le). Чжу Юньвэня так и не нашли. По слухам, он бежал из города, переодевшись монахом. Чжэн Хэ остался при новом государе советником, образовав с несколькими преданными евнухами так называемый «внутренний круг» (inner circle), организующим центром которого стала священная особа императора. Все эти люди, знавшие дела государства, как никто, и часто видевшие императора, оказывали на него значительное влияние, в частности потому, что умели угадывать его настроение и малейшие желания. Кроме того, будучи евнухами, они имели возможность входить во Внутренний город и поддерживать контакт с проживавшими там императорскими наложницами, число которых достигало 2000.

Евнухи снова стали значительной политической силой. Чжэн Хэ, преданный слуга нового императора и самый могущественный из всех придворных кастратов, получил в награду за свою безупречную службу титул Великого евнуха. Поговаривали, что он носил с собой в складках своего просторного белого шелкового одеяния шкатулку, где хранились его отрезанные гениталии — высохший, мумифицированный пенис и такие же яички. По этой причине он получил при дворе прозвище «Евнух — три алмаза». Эта шкатулка с гениталиями, к которой Чжэн Хэ относился с большим пиететом, должна была быть положена после его смерти к нему в гробницу, дабы послужить ему на том свете. Согласно поверью, на небе все отрезанное прирастало к своему хозяину и он вновь становился полноценным самостоятельным мужчиной. Увы, на земле он продол-

¹ Дракон в китайской мифологии наделен огромной силой, и этот образ использовался в качестве метафоры, когда нужно было показать человека сильного, грозного и талантливого. Практически все предметы, окружавшие императора (трон, одеяния, постель и т. п.), носили изображения дракона или сказочной птицы феникс, также обладавшей, по верованиям китайцев, сверхъестественной силой.

План Лунцзянских кораблестроительных верфей.
 Рисунок из книги «Лонгчжан Чжуанчжан Чжи» (Longjiang Chuanchang Zhi),
 описывающей историю верфей времен Чжэн Хэ; опубликована в 1553 г.
 Слева — административные здания, справа — спуск к воде

жал оставаться кастратом и служить своему господину — Чжу Ди, третьему императору из династии Мин.

Примерно через год после воцарения Чжу Ди на троне он назначил своего Великого евнуха адмиралом и несмотря на то, что евнух никогда не видел моря, поставил его во главе самого большого флота в истории.

В одном из своих первых декретов Чжу Ди распорядился вдвое увеличить размеры Лунцзянских (Longjiang shipyards) судостроительных верфей, находившихся неподалеку от Нанкина. В соответствии с приказом императора эти верфи, и без того крупнейшие в стране, значительно расширили. Теперь они занимали территорию в несколько квадратных миль и располагались по берегам Янцзы неподалеку от южных ворот Нанкина. Были возведены семь больших сухих доков, каждый из которых позволял строить три корабля одновременно. Эти доки сохранились и до на-

ших дней¹. Чжу Ди поставил перед собой задачу, которую не удалось в свое время решить хану Хубилаю, — сделать Китай великой морской державой, которая царила бы на морях и океанах.

Вплоть до IX в. н. э. почти все корабли, бороздившие прибрежные китайские воды, принадлежали иностранцам, но начиная с IX в. Китай начал строить свой собственный океанский флот. Императоры монгольских династий Сун и Юань (Song and Yuan) имели могучие флоты и всемерно развивали международную морскую торговлю, посылая своих эмиссаров во многие страны мира. Китайцам удалось отобрать контроль над торговлей специями у арабов, которые в свое время монополизировали эту сферу коммерческой деятельности. Чжу Ди, помня обо всем этом, решил еще больше увеличить китайское присутствие в Мировом океане. В дополнение к военному и торговому флотам, которые он унаследовал от монгольских правителей, Чжу Ди построил в 1681 г. новое судно, среди которых было много гигантских девятимачтовых «плавающих сокровищниц» (Treasure ships), получивших такое название из-за своей высокой стоимости и возможности перевозить товары в особо крупных размерах. Для того чтобы построить эти корабли, на верфи были согнаны из южных провинций десятки тысяч корабельных мастеров, плотников и мастеров по шитью парусов. Когда строительство было закончено, китайский флот в общей сложности помимо 250 «плавающих сокровищниц» имел еще 3500 кораблей и судов всевозможных размеров и самого разного назначения. Так, императорский флот включал в себя 1350 патрульных судов, столько же военных кораблей, базировавшихся на побережье и на островах, 400 океанских военных кораблей и 400 транспортных судов, предназначенных для перевозки зерна, воды и лошадей для нужд

¹ В начале 2002 г. китайское правительство заявило о намерении восстановить кораблестроительные верфи как исторический памятник и воссоздать точную по размерам копию «плавающей сокровищницы» адмирала Чжэн Хэ.

армии и военного флота. Эта гигантская армада должна была бороздить воды Мирового океана, внушая зарубежным государям уважение и страх перед мощью Китайской империи и способствуя их превращению в данников Поднебесной. В качестве компенсации за признание верховной власти китайского императора зарубежным государям были обещаны различные торговые льготы, а также защита от неприятеля. Кроме того, им предлагалось на условиях необременительного займа увезти с собой производимые в Китае предметы роскоши, в частности тончайшие шелка и драгоценный китайский фарфор. Таким образом иностранные государи, сами того не замечая, постепенно становились вечными должниками Китайской империи.

Перед флотом была поставлена еще одна задача: отыскать бежавшего из Китая императора Чжу Юньвэня. «Есть люди, которые считают, что он скрылся за границей. Император приказал Чжэн Хэ отыскать его следы»¹. Весь мир должен узнать, что Сын неба Чжу Ди — единственный правомочный хозяин «трона дракона» и Поднебесной империи.

Захватив власть, Чжу Ди решил перевести столицу из Нанкина в свой прежний оплот — Пекин. Старейший Тамерлан намеревался совершить поход на Китай, и Чжу Ди был полон решимости оказать завоевателю сопротивление, встретившись с ним в открытом бою. Тамерлан (или Хромой Тимур, как называли его из-за полученной в сражении раны) показал себя достойным наследником своих знаменитых предков — Чингисхана и хана Хубилая. О Тамерлане говорили, что больше всего на свете он «любил своих храбрых воинов, вселявших в человеческие сердца ужас, рвавших людей на куски, подобно львам, и способных свернуть горы»². Из своей столицы Самарканда, кото-

¹ Xia Xie. *Ming tongjian — Comprehensive Mirror of Ming History*, 1873, Ch. 14, quoted in Louise Levathes, *When China Ruled the Seas*, Simon & Schuster, 1994, pp. 73–74. [Ся Се. «Всеобъемлющее зеркало династии Мин», 1873. — Цит. по: Луиза Леватес «Когда Китай правил морями»].

² Ahmad ibn Arabshah. *Miracles of Destiny in Timur's History*, 1636. [Ахмад ибн Арабшах. «Игра судьбы в истории Тимура», 1636].

рая стояла на Великом шелковом пути — крупнейшей торговой артерии Центральной Азии, он посылал свои войска на завоевание государств и народов, захватив за сравнительно короткий срок Северную Индию, Персию и Сирию и разбив оттоманских турок в кровопролитном сражении при Анкаре в 1402 г. Теперь же его взгляд был устремлен на восток, в сторону Китая. Целью Тамерлана было разгромить китайскую армию, сбросить с трона Чжу Ди и восстановить в стране монгольское правление.

Чтобы противостоять этой страшной угрозе, новый император, перебираясь в Пекин, захватил с собой весь двор и миллионную армию в придачу. Надо сказать, он рассматривал Пекин не только как мощную крепость, стены которой могли остановить продвижение войск грозного завоевателя. Планы Чжу Ди относительно новой столицы были куда более грандиозными. Хан Хубилай выстроил Тату в традиционном китайском стиле и даже отвел реки, чтобы они окружали город изящным кольцом. Обосновавшись в Тату, переименованном им в Пекин, Чжу Ди воспринял, в общем, концепцию прежней застройки, но разрушил ханскую цитадель, возведя на ее месте классический имперский комплекс — так называемый Запретный город (Zijincheng), обладавший по сравнению с ханским дворцом куда более законченными и выразительными архитектурными пропорциями и формами. Кроме того, согласно планам Чжу Ди новая столица должна была стать неизмеримо больше старого Тату. К примеру, Пекин должен был превысить тогдашний Лондон по территории в 1500 раз, а по населению — в 50 раз.

Однако строительство самого большого в мире города было не единственным планом, который лелеял Чжу Ди. Он собирался отремонтировать Великую Китайскую стену, построенную еще первым китайским императором Цинь Шихуанди (Qin Shi Huangdi, 259–210 до н. э.), правителем империи Цинь (245–210 до н. э.). Цинь Шихуанди объединил железом и кровью вечно воевавшие между собой китайские княжества и стал первым властителем, правившим Китаем как единым государством. Ценой невероятных тру-

дов и усилий Цинь Шихуанди возвел могучие укрепления, призванные защищать китайскую границу от вторжения с севера, но в течение последующих 1600 лет они не подновлялись, дряхлели и разрушались от времени. Чжу Ди принял программу обновления, перестройки и усиления стены, добавив к уже существующим башням множество новых, как наблюдательных, так и оборонительных. Кроме того, он увеличил протяженность стены с 5000 до 6400 километров. Теперь она тянулась от побережья океана на запад до подножия Небесных гор (Heavenly Mountains) в Центральной Азии.

Но Чжу Ди и этого было мало. Он отправлял многочисленные экспедиции для разведки новых, помимо Великого шелкового пути, торговых путей в Центральную Азию, стремясь возродить ту гигантскую торговую империю, которая существовала в «золотой век» Китая — во времена правления династии Тан (Tang) пятью веками раньше. И все это осуществлялось параллельно с программой строительства огромного морского флота.

Чжу Ди намеревался достичь поставленных им грандиозных целей в течение двадцати лет. Он считал, что китайцы снова должны поверить в свои силы и стать величайшей нацией мира, как то было на протяжении многих веков. Тем более что монголы были изгнаны из страны и Китай снова принадлежал только китайцам. Поскольку отец не провозгласил Чжу Ди своим наследником, он лез из кожи вон, чтобы доказать, что «трон дракона» достался ему по праву по воле богов. Возможно, по этой причине первое здание, которое он возвел в центре Запретного города, был Храм Неба. По мнению Чжу Ди, этот храм должен был стать не только своеобразной сценической площадкой, где император, Сын Неба, собирался ежегодно являть себя народу, но и сердцем всей Китайской империи. Равным образом задуманная им обсерватория должна была стать сердцем Пекина. Чжу Ди проявлял большой интерес к астрономии и надеялся добиться достижений и в этой области, увеличив тем самым доставшееся ему от древних ученых наследие. Китайские ученые на протяжении более 2000 лет

вели наблюдения за звездным небом, аккуратно занося на рисовую бумагу все происходившие на нем изменения. Так, в 1300 г. до н. э. они отметили появление на небосклоне новой звезды, в 240 г. до н. э. обнаружили комету Галлея и рассчитали периодичность ее возвращения к Земле, а в 1054 г. описали такие космические явления, как вспышки суперновых звезд в Крабовидной туманности, а также пульсары, квазары и нейтронные звезды.

Правившие в течение века Китаем монгольские императоры игнорировали это бесценное наследие, но Чжу Ди в первый же год своего воцарения на «троне дракона» возобновил практику наблюдения за ночным небом. Его астрономы занесли в свои журналы наблюдений 1400 звезд и могли предсказывать с довольно большой точностью солнечные и лунные затмения. Чжу Ди учредил также своего рода «астрономический комитет» и предлагал государям сопредельных стран — сегуну Японии, королю Кореи, внуку Тамерлана Улугбеку сделать то же самое, чтобы потом обмениваться научной информацией, в частности, начертанными их учеными картами звездного неба¹. Надо сказать, что интерес Чжу Ди к астрономии носил скорее практический, нежели теоретический характер. Знание о расположении звезд на небосклоне могло помочь его адмиралам правильно выдерживать курс, определять положение судна в открытом море и с большей точностью наносить на карту вновь открытые земли. Другими словами, большая пекинская обсерватория должна была стать базой для сбора научных данных, пользуясь которыми можно было исследовать и описать весь подлунный мир.

Перенос столицы из Нанкина в Пекин оказался самым хлопотным, сложным и дорогостоящим предприятием за все время правления династии Мин. Процесс этот начался в 1404 г., когда 4000 семей были со всеми домочадцами и всем своим скарбом переселены на север с целью уве-

¹ *Shun-feng hsiang-sung* — «Fair Winds for Escort», anon., с. 1430, Bodleian Library [«Ветры вам в помощь», неизвестный автор, 1430, Бодлеанская библиотека].

личения населения Пекина. Вслед за богатыми горожанами на север погнали многие сотни тысяч рабочих, которые должны были воплотить в камне и дереве грандиозные архитектурные проекты императора. Рабочих охраняла армия в составе 335 армейских дивизий, хотя угроза нашествия орд Тамерлана к тому времени становилась все более призрачной. Великий завоеватель в январе 1405 г. вышел с большой армией из Самарканда и двинулся через горы к китайской границе, чтобы, став там лагерем и дождавшись весны, неожиданно обрушиться с горных склонов на китайцев. Тамерлан, однако, не учел, что для подобных предприятий он уже слишком стар и дряхл. Путешествие по крутым горным перевалам совершенно его доконало, хотя его и несли в специальных носилках четверо сильных воинов. Он умер 18 февраля в походе, так и не увидев китайской границы. После смерти великого завоевателя между его генералами начались распри, армия распалась и существенной опасности уже не представляла.

Смерть Тамерлана не внесла никаких изменений в планы Чжу Ди. Его рабочие продолжали трудиться над обустройством новой столицы, но на строительстве скоро стала ощущаться нехватка продовольствия. На севере лето короткое. Просо там еще можно было выращивать, а вот рис — нет. Ячмень и кукуруза тоже давали плохие урожаи. Между тем рабочие продолжали стекаться под стены Пекина во все возрастающем количестве. Надо было срочно что-то придумать. Тогда Чжу Ди назначил своего сына Чжу Гаочи (Zhu Gaochi) военным комендантом Пекина, дав ему право освобождать от налогов всякого, кто возьмется выращивать зерно для нужд строительства. Однако эта мера не помогла, и тогда император решил восстановить и расширить Великий канал (Grand Canal), по которому в прежние времена транспортировали грузы на север.

Построенный во времена династии Ву (Wu) в 486 г. до н. э., Великий канал считался одним из чудес Древнего мира. Начиная с 584 г. н. э. он постоянно перестраивался и удлинялся, превратившись в целую систему каналов и шлюзов, и достиг общей протяженности в 1800 киломе-

тров, другими словами, стал самым длинным рукотворным водным путем в мире. Надо сказать, Великий канал обошелся китайцам недешево: за годы его строительства от голода, болезней и невыносимо тяжелых условий труда погибли в общей сложности до трех миллионов человек — половина трудившейся на его постройке шестимиллионной армии землекопов и кули. Финансовые же затраты были таковы, что подорвали бюджет государства и во многом способствовали падению династии Суй (Sui; 589–618¹).

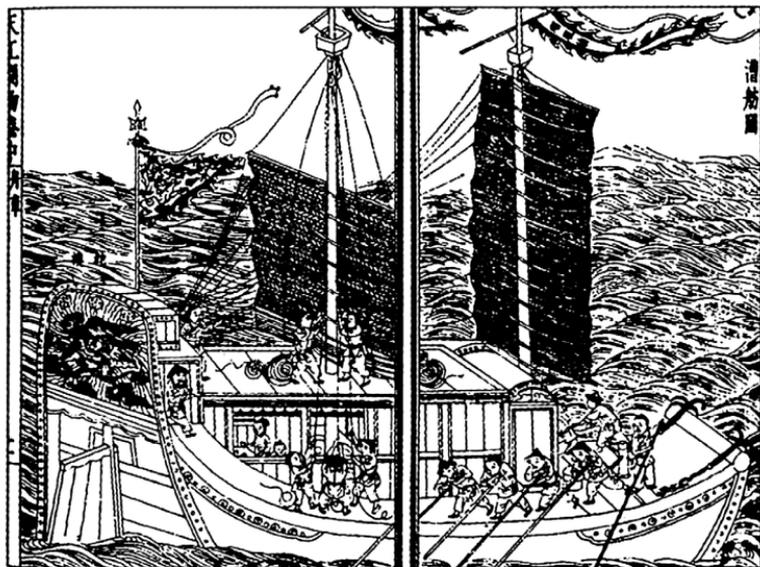
Великий канал считался главной транспортной артерией, соединявшей север с югом. Но шли годы, и его пропускная способность переставала удовлетворять все возрастающие потребности растущего населения. Работа по перестройке и расширению канала была разбита на две стадии. В 1411 г. начались работы по реконструкции его северной части, в результате чего было построено 36 новых шлюзов: Пекин находился на 100 футов выше уровня реки Янцзы, и эта мера была необходима. В работах принимали участие 300 000 человек. В 1415 г. была введена в эксплуатацию южная часть канала — от Желтой реки до Янцзы. Теперь канал тянулся от Пекина на севере до находившегося на побережье порта Ханчжоу (Hangzhou) к югу от Шанхая. В перевозке зерна на север было задействовано более 3000 плоскодонных речных барж, в результате чего к следующему году поставки увеличились с 2,8 миллиона пикулей (приблизительно 170 миллионов килограммов) до 5 миллионов пикулей (300 миллионов килограммов).

Постоянная утечка продуктов на север, к Пекину, вела к сокращению пищевого рациона населения и даже к голоду в остальных частях Китая. Кроме того, строительство постоянно требовало бревен и досок, из-за чего на берегах канала безжалостно вырубались леса. Строительство флота также требовало огромных затрат древесины. К примеру, для того чтобы построить один огромный корабль «плавающая сокровищница», необходимо было вырубить тиковую рощу площадью триста акров. Помимо военных кораблей

¹ По другим источникам 581–618 гг.

было построено также великое множество вспомогательных судов и небольших торговых кораблей, предназначенных для каботажного плавания. Они обслуживали торговые перевозки между китайскими, индийскими и африканскими портами. Как уже было сказано, помимо военных и торговых кораблей в огромном количестве строились речные баржи, в связи с чем также вырубались сотни тысяч, если не миллионы акров лесов. Аннам (северная часть современного Вьетнама) и Вьетнам также лишились значительной части своего строевого леса, что послужило причиной начавшихся там многочисленных восстаний против китайского владычества.

Чжу Ди не только строил. Ему предстояло решить множество стоявших перед государством внутренних проблем. В частности, огромные расходы на строительство флота и Запретного города настроили на критический лад в отношении проводимой императором политики множество ман-

Судно-зерновоз ранней эпохи династии Мин.

Рисунок из энциклопедии «Тяньгун Кайву» (Tiangong Kaiwu — «Эксплуатация творений природы»), составитель — Сун Инсин (Song Yingxing), 1627 г.

даринов, без содействия которых подобные грандиозные проекты не могли осуществиться. Хотя мандарины и согласились с повышением ряда налогов в целях пополнения казны, они, подобно придворным вельможам и чиновникам во всем мире, всемерно затягивали или даже саботировали принятие тех или иных законов, которые казались им вредными или не сулили лично для них никакой выгоды. Между тем Чжу Ди продолжал неуклонно воплощать в жизнь свои замыслы. Он был жесток и вероломен, умело интриговал, а при случае мог пойти и на хитрость. Так, он довольно долго мистифицировал своих непокорных придворных «цилинем» (qilin) — обыкновенным, в сущности, жирафом, пойманным адмиралом Чжэн Хэ, который в 1405 г. отправился в первую морскую экспедицию и с тех пор неоднократно совершал морские походы, достигая в своих странствиях Восточной Африки.

Сказочное животное цилинь занимало в китайской мифологии весьма важное место. Считалось, что тело у него как у мускусного оленя, лоб как у волка, хвост как у быка, а копыта как у лошади. Кроме того, он должен был обладать рогом, похожим на рог единорога. Согласно легенде, в VI в. до н. э. он явился молодой китаянке по имени Ен Чен-цай (Yen Tschen-tsaii) и вложил ей в руку кусок нефрита, на котором было выгравировано предсказание. Оно гласило, что эта женщина родит и выпестует сына, который станет «царем без трона»¹. Ен Чен-цай и впрямь родила сына и назвала его Конфуцием. Конфуций же со временем стал великим философом, чье учение о системе и порядке в обществе доминировало в Китае более двух тысячелетий.

Адмирал Чжэн Хэ торжественно презентовал цилиня императору 16 ноября 1416 г. Чжу Ди немедленно объявил, что прибытие цилиня есть благословение неба, ниспосланное его правлению и ему лично, после чего собрал императорский совет, потребовав от него безоговорочного признания великих достоинств его плана о переносе столи-

¹ Miles Menander Dawson, *The Wisdom of Confucius*, Boston, Mass., 1932, pp. 57–58 [Майлс Менандр Доусон. «Мудрость Конфуция»].

цы из Нанкина в Пекин. По этому поводу придворный поэт сочинил хвалебную оду в честь императора, а пораженные грозным и величественным видом священного животного мандарины без дальнейших проволочек одобрили проект Чжу Ди.

После этого на строительство новой столицы был мобилизован чуть ли не весь Китай. В провинции Цзянси, Шаньси и Сычуань (Jiangxi, Shanxi, Sichuan), равно как и в Аннам и Вьетнам были посланы толпы лесорубов, чтобы обеспечить строительство лесом. Помимо того были построены многочисленные печи для обжига кирпича, в котором также отчаянно нуждалось строительство. По всей империи набирались армии ремесленников, строителей и грузчиков-кули. В общей сложности на строительстве Запретного города и обустройстве окружающей его территории трудились около четырех с половиной миллионов рабочих, которых охраняли до миллиона солдат.

Как только Великий канал был расширен и количество барж, транспортировавших на север продовольствие, увеличилось, темпы строительства Запретного города значительно возросли. Прежде всего были отремонтированы старые крепостные стены Тату (Пекина), углублены и расширены рвы и построены новые мосты. Затем строители принялись за возведение императорской резиденции — так называемого Западного дворца. В марте 1417 г. император окончательно перебрался из Нанкина в Пекин, а к концу года дворцовый комплекс практически был уже завершен. В 1420 г. на месте разрушенного дворца хана Хубилая был построен Храм Неба. Примерно в это же время было закончено строительство домов для чиновников и знати, после чего остававшаяся еще в Нанкине часть придворных переехала в столицу со всеми чадами и домочадцами.

Второго февраля, в первый день китайского нового года, состоялась торжественная церемония освящения и открытия Запретного города, на которой присутствовали главы и послы большинства азиатских государств. Чтобы подчеркнуть важность церемонии, придворные мандарины потребовали от послов и представителей других стран со-

вершить «коутоу», то есть распластаться на полу перед императором. Безусловное главенство Китая над другими странами выразилось также в том, что придворный церемониймейстер, евнух Хаджи Маулана (Haji Maulana), позволил себе подвергнуть жестокому унижению находившихся во дворце двух самых могущественных, после китайского императора, людей в мире — сына и внука великого Тамерлана. Им несколько раз давали понять, что они неправильно совершают «коутоу», в связи с чем им пришлось трижды падать на живот и биться лбом об пол, прежде чем император выразил свое удовлетворение тем, как прошла церемония.

Это унижение иноземных государей и послов явилось венцом внешней политики Чжу Ди, которую он проводил в жизнь на протяжении последних 15 лет. Надо сказать, что внешняя политика китайских императоров значительно отличалась от той, какую проводили европейские государи. Китайцы прежде всего стремились привязать другие страны к Поднебесной с помощью экономических факторов — торговли, выделения займов, а то и прямого подкупа государей и крупных чиновников. На открытую же конфронтацию, войны или колонизацию китайцы шли крайне редко. Впрочем, чтобы напомнить о себе и своем могуществе, Чжу Ди регулярно отправлял в плавание большие флоты, чьи корабли везли в своих трюмах не только красивые и дорогие товары китайского производства, но и оружие, в частности такое редкое и экзотическое, как пушки. О китайской мощи свидетельствовали и многочисленные солдаты, составлявшие значительную часть экипажа каждого судна. Государи сопредельных стран должны были знать, что Китай — единственная в мире держава, которая обладает огнестрельным оружием и может пустить его в ход, чтобы защитить своего вассала или союзника. Найдшиеся на борту кораблей товары шли в продажу или на обмен. «Плавучие сокровищницы» возвращались в китайские порты с трюмами, набитыми экзотическими товарами и грузами — такими, например, как «слюна дракона» (серая амбра), ладан и янтарь. Китайцы ввозили так-

же редкостных животных из Африки — львов, леопардов и «верблюжьих птиц», иначе говоря — страусов. Из Кожикоде (ранее — Каликут, Calicut) они везли золотую парчу, жемчуг, драгоценные камни, тончайшую пряжу. Из Сиама (Таиланда) ввозились слоны, попугаи, павлины, сандаловое дерево, твердые породы деревьев, олово и кардамон.

Те правители, которые признавали главенство Китая, в знак поощрения награждались китайскими придворными титулами, пользовались торговыми льготами, а со стороны вооруженных сил империи им была гарантирована защита от неприятеля. Так, Малакка в Юго-Восточной Азии получила в обход Явы и Суматры в награду за лояльность статус главного торгового порта, а император лично написал хвалебную оду в честь султана Малакки. Точно так же получили торговые привилегии преданные императору таиландцы, а враждебно настроенные к Китаю камбоджийцы, наоборот, были их лишены. Корея считалась особенно важным партнером Китая, поэтому Чжу Ди, придя к власти, сразу же отправил своего посланника ко двору корейского короля И Пан-вона (Yi Pang-won), наградив последнего почетным китайским титулом. Корейцам были нужны китайские лекарственные препараты, книги и астрономические приборы. Они же со своей стороны обещали построить обсерваторию и обмениваться с Китаем научной информацией. Кроме того, Корея поставляла на китайский рынок живых тюленей и леопардов, золото, серебро и лошадей. В 1403 г. китайцы получили 1000 лошадей, а на следующий год — уже 10000. Выполняя требование императора, корейцы, поколебавшись, отправили в его гарем несколько девственниц.

Изгнав в 1382 г. из Китая монголов, Чжу Ди направил своего евнуха Ишиха (Yishiha) в вечно беспокойную Маньчжурию, находившуюся на северо-восточной границе империи. В ответ в 1413 г. правитель чжурчжэней (Jurchen), народности, населявшей Маньчжурию, отправил в Пекин большое посольство, все члены которого были щедро одарены императором — получили от него титулы, ценные подарки и торговые привилегии для своего края. Равным

образом и Япония получила от империи свою долю наград и привилегий. Третий сёгун из рода Асикага по имени Ёси-мицу был большим поклонником Китая, поэтому он с удовольствием совершил перед Чжу Ди «коутоу» и назвал себя «верным слугой императора»¹. В благодарность за этот верноподданнический жест Чжу Ди немедленно приказал расширить торговлю с Японией, предоставив для этого ряд портов — Нинбо, Гуанчжоу (Кантон) и Гуандун (Ningbo, Quanzhou Canton, Guangdong). Подобно Корее, Япония основала у себя обсерваторию, чтобы оказать китайцам посильную помощь в изучении звездного неба.

Усмирив Маньчжурию и сделав Японию и Корею своими сателлитами, Чжу Ди сосредоточил все свое внимание на Тибете. Он послал ко двору тибетского Кармапы (Кармара), то есть лидера одной из четырех тибетских буддистских сект, своего евнуха Хау Цяня (Hau Xian), который через некоторое время привез того с собой в Пекин. Святому человеку устроили торжественную встречу, в которой принимали участие монахи всех буддистских монастырей Китая. Император наградил Кармапу пышным титулом, который звучал так: «Святейший сын земли и неба, изобретатель алфавита, воплощенный Будда, попечитель Тибетского царства, кристальный источник божественной мудрости и слова». Кроме того, император вручил святому Кармапе прямоугольную плоскую черную шапочку, украшенную бриллиантовым аграфом. С тех пор эту шапочку носят буддийские монахи, почитающиеся на Тибете как живое воплощение Кармапы.

Признав себя подданным императора, иноземный правитель или его посол получали право в любое время посещать Пекин — столицу древнейшей и величайшей из всех цивилизаций мира. Прежняя столица Китая, Нанкин, уже стяжала себе всемирную славу. Теперь такую славу

¹ Quoted by Edmund L. Dreyer in *Early Ming China: A Political History 1355–1435*, Stanford University Press, Calif, p. 204 [Цит. по: Эдмунд Л. Дрейер. «Китай эпохи правления первых императоров династии Мин: политическая история 1355–1435 гг.»].

постепенно стала обретать и новая столица империи. Хотя император главным образом стремился к тому, чтобы сделать все окружающие Китай страны своими сателлитами и данниками, он тем не менее не жалел усилий, чтобы побольше узнать об истории, географии, культуре и традициях населявших эти страны народов. Пекин сделался не только крупнейшим городом мира, но и его интеллектуальным центром. Столичные библиотеки постоянно пополнялись книгами и манускриптами, содержащими новейшие сведения во всех областях знаний. В декабре 1404 г. Чжу Ди назначил двух ученых советников — Яо Куан-Цяо и Лиу Чжи (Yao Kuang-Hsiao, Liu Chih), которые, встав во главе целой армии молодых ученых и студентов числом 2180 человек, должны были систематизировать все известные к тому времени знания о мире. Это был крупнейший научный проект, который когда-либо осуществлялся на земле. В результате на свет появилась энциклопедия, состоявшая из 4000 томов и содержащая в общей сложности пятьдесят миллионов средневековых китайских иероглифов. Работа над энциклопедией была закончена как раз перед освящением и открытием Запретного города.

Однако Чжу Ди этого было мало. Он потребовал от своих ученых и чиновников, чтобы они собрали все тексты и записи, оставшиеся от 120 крупнейших философов и мудрецов времен старинной династии Сун (Sung; 960–1279), сверили их и сложили в особом книгохранилище Запретного города. В это же хранилище попали комментарии и научные обзоры, посвященные работам всех известных мыслителей мира с XI по XIII в. Впрочем, в Китае того времени культивировались не только академические знания. На рынках Пекина можно было в книжных лавках купить сотни отпечатанных на рисовой бумаге романов на бытовые и любовные темы. Ничего подобного во всем остальном мире не существовало. Книгопечатания в Европе не знали, и до появления первой печатной Библии Гутенберга должно было пройти еще лет 30. И это при всем том, что Европа в те годы вступала в период Ренессанса, изменившего взгляд средневекового европейца на мир! Что поделаешь:

библиотека английского короля Генриха V (1387–1422) насчитывала всего шесть рукописных книг, причем три из них достались ему по наследству. Флорентиец Франческо Датини, богатейший европейский купец рассматриваемого нами периода, имел 12 книг, восемь из которых были на религиозную тему.

Впрочем, путешествие в интеллектуальную столицу мира — город Пекин — давало возможность иностранному правителю или послу познать и земные радости. Плывая по морю на огромном и комфортабельном китайском судне, он услаждал себя редкими яствами и винами, а также ласками красивых наложниц, единственной обязанностью которых было ублажать странствующего вельможу.

За официальным открытием Запретного города последовал грандиозный банкет. Его масштабы, богатство и поразительное изобилие лишней раз свидетельствовали о том, что Китай находился на самой вершине тогдашнего цивилизованного мира. По сравнению с Поднебесной империей Европа XV в. была отсталой, грубой и варварской. Бракосочетание Генриха V с Екатериной Валуа состоялось в Лондоне через три недели после открытия Запретного города. На банкете в Запретном городе присутствовали 26 000 гостей, а парадный обед, во время которого еду подавали на чудесных фарфоровых тарелках и блюдах, состоял из 10 перемен. На свадьбе же английского короля гостей было не более 600 приглашенных, и ели они в основном вяленую треску, подававшуюся на больших ломтях черствого хлеба, служивших в качестве тарелок. На Екатерине Валуа в день свадьбы не было ни белья, ни чулок; любимая же наложница Чжу Ди была разодета в яркие шелка и носила украшения из иранского сердолика, цейлонских рубинов, индийских алмазов и китайского нефрита. Ее благовония источали ароматы амбры с островов Тихого океана, мирры из Аравии и сандалового дерева из Сиама.

Китайская армия того периода насчитывала около миллиона солдат, вооруженных ружьями и пушками; Генрих V мог вывести в поле лишь 5000 человек, вооруженных луками, мечами и копьями. Флот, который должен был до-

ставить иностранных гостей Чжу Ди домой, включал в себя около 100 кораблей с командой в 30 000 человек. Когда Генрих V в июне того же года отправился воевать с Францией, он переправил все свое войско через Ла-Манш на четырех рыбацких шхунах, каждая из которых могла принять на борт не более 100 солдат и передвигалась лишь в светлое время суток.

После праздника в честь открытия Запретного города иностранные правители и послы еще в течение месяца наслаждались гостеприимством императора — вкушали всевозможные яства, пили драгоценные вина, созерцали многочисленные фейерверки и зрелища и предавались страсти с красивейшими наложницами, опытными в науке любви.

Наконец, 3 марта 1421 г., состоялась торжественная церемония проводов иностранных гостей. В торжествах принимала участие императорская армия. «Сначала прошли начальники отрядов в 10 000 солдат, потом начальники отрядов в тысячу солдат, потом началось прохождение войск, насчитывавших в общей сложности не менее 200 000 человек. Они двигались плотным строем, слаженно поднимая руки и ноги, напоминая тем самым огромный единый организм»¹. Ровно в полдень зазвучали цимбалы, слоны опустились на колени, а из жаровен, изготовленных в форме черепах и журавлей, заструился к небу напоенный ароматами восточных благовоний дым. В этот момент появился император, прошел сквозь облако благовонного дыма и направился к отъезжающим гостям. По его сигналу слуги поднесли каждому иноземному вельможе прощальные подарки: вазы и чаши из белого и голубого фарфора, рулоны разноцветных шелков и тонких хлопковых тканей, а также бамбуковые шкатулки с нефритом. В порту стояли наготове многочисленные корабли императорского флота, которые должны были доставить знатных путешественников в Ормуз, Аден, Ласу и Дофар (Hormuz, Aden, La'Sa, Dhofar) в Ара-

¹ Hafiz Abru, *A Persian Embassy in China, 1421*, trs. K. M. Maitra, Lahore, 1934, p. 55 [Хафиз Абру. «Персидское посольство в Китае», 1421, под редакцией К. М. Майтра].

вии; в Могадिशу, Браву, Малинди и Момбасу (Mogadishu, Brava, Malindi, Mombasa) в Африке; в Шри-Ланку, Кожикоде, Кочин и Камбей (Sri Lanka, Calicut, Cochin, Cambay) в Индии; в Японию, Вьетнам, на Яву, Суматру, Малакку и Борнео в Юго-Восточной Азии, а также в другие земли.

Адмирал Чжэн Хэ, одетый в форменную алую адмиральскую робу, выразил восхищение по поводу великопленного праздника, после чего доложил императору, что его армада в составе четырех императорских флотов готова в любой момент распустить по ветру паруса; пятый императорский флот, которым командовал Великий евнух Ян Цин (Yang Qing), вышел в море еще в прошлом месяце. Доставка зарубежных государей и послов на родину являлась лишь первой частью миссии, порученной флоту. После ее осуществления моряки должны были плыть «до края земли и собирать дань с варваров, которые встретятся им на пути, дабы включить их в орбиту гармоничного мира, управляющегося согласно законам Конфуция»¹. В награду за долголетнюю безупречную службу Чжэн Хэ был поставлен во главе пяти Золотых флотов империи², которые бороздили моря и океаны, разведывая новые торговые пути и распространяя влияние и власть Поднебесной среди населявших Азию, Индию, Африку и Ближний Восток народов. Теперь же Чжэн Хэ надлежало возглавить крупнейшую в мире армаду, которая должна была дойти, что называется, до края света. Надо сказать, император награждал и других евнухов, помогавших ему низвергнуть власть монголов, и многие из них стали адмиралами и капитанами Золотых флотов, состоявших из огромных девятимачтовых кораблей. Чжэн Хэ, командовавший объединенными

¹ Наставления императора Чжу Ди адмиралу Чжэн Хэ. Расшифровка надписей 1431 г. на двух каменных стелах.

² Число походов Золотых флотов под командованием адмирала Чжэн Хэ до сих пор является предметом дискуссии. Большинство исследователей объединяют его четвертый и пятый походы в один, хотя на мемориальном камне, воздвигнутом Чжэн Хэ, упоминается о семи походах. Я лично присоединяюсь к этим исследователям и считаю, что поход 1421 г. был шестым.

морскими силами, в предыдущие годы не раз выводил эти флоты в море, чтобы убедиться, что его командиры в состоянии управлять кораблями и водить флоты так, как он их этому обучил.

Когда прощальные подарки были упакованы, император обратился к знатым иностранцам с короткой напутственной речью, после чего они, в последний раз сделав перед властителем Поднебесной «коутоу», расселись по повозкам и экипажам. Процессия двинулась к Великому каналу, который начинался на расстоянии мили от восточных ворот столицы. На водах канала покачивались сотни нагруженных шелком барж. Когда иностранные государи и послы поднялись на борт, защелкали бичи, и тысячи лошадей-тяжеловозов, которые должны были тянуть баржи — из расчета 10–12 лошадей на баржу, — двинулись по берегу канала в сторону моря.

Через два дня, миновав 36 шлюзов, караван прибыл в Тангу (Tanggu), неподалеку от современного города Тяньцзинь (Tianjin) близ Желтого моря. Величественное зрелище, которое предстало перед глазами иностранцев, без сомнения, поразило их воображение и осталось в памяти до конца жизни. В порту стояли на якоре более 100 огромных джонок, превосходивших по размеру все находившиеся в порту и на берегу строения. «Плавучие сокровищницы» окружали более мелкие торговые корабли и суда. Каждая «плавучая сокровищница» имела в длину около 480 футов (или 444 чи — стандартная китайская мера длины, равная примерно 12,5 дюйма или 32 сантиметрам) и достигала в ширину 180 футов — примерно столько же, сколько составляет общая ширина 50 рыбацких лодок. На носу кораблей были вырезаны изображения змеино-го глаза, отпугивавшие злых духов. На верхушках тысяч мачт развевались яркие вымпелы; на реях были аккуратно сложены паруса из алого шелка — очень легкие, но прочные. «Когда паруса распускали по ветру, они походили на огромное алое облако»¹.

¹ См. Dorothy and Thomas Hoobler.

В плане организации и построения великая китайская армада очень напоминала военный морской конвой времен Второй мировой войны. В самом центре располагались огромные «плавучие сокровищницы», со всех сторон окруженные торговыми кораблями меньших размеров. Некоторые из них достигали в длину 90 футов и в ширину 30 футов. Вокруг них перемещались маневренные и скоростные военные корабли, которые должны были защищать конвой. Во время плавания к армаде часто присоединялись торговые корабли других наций — в основном вьетнамские и индийские. Их капитаны стремились находиться под защитой китайских военных судов, равно как и воспользоваться другими преимуществами, которые предоставляло плавание среди этого своеобразного огромного плавучего торгового города, растянувшегося на десятки миль на поверхности океана.

Каждая из «плавучих сокровищниц» имела 16 водонепроницаемых трюмов. Они были так умело устроены, что корабль не терял плавучести даже в случае полного затопления двух из них. Другие специальные помещения на корабле намеренно частично заполнялись забортной водой — там во время плавания содержались дрессированные морские выдры. Кроме того, эти помещения могли служить своего рода шлюзовыми камерами для возвращавшихся на судно пловцов и ныряльщиков. Морские выдры, которых матросы держали за длинные поводки, помогали загонять в сети стаи мелкой рыбы, облегчая тем самым экипажу процесс рыбной ловли. Надо сказать, подобный метод рыбной ловли по сей день с успехом применяется на побережье Китая, Малайзии и Бенгалии. Каюта адмирала находилась в верхнем ярусе жилых помещений на корме адмиральского судна. Непосредственно под этой каютой располагались каюты для важных иностранных гостей, посланников и сопровождавших их лиц. Особые каюты отводились также налогом. Ради уюта и эстетики почти все эти каюты имели огороженные перильцами крохотные балкончики, позволявшие любоваться морем и дышать морским воздухом, не поднимаясь на палубу. Посланники китайского импера-

тора (Чжу Ди следовал принципу: одна союзная страна — один посол) размещались, возможно, в менее изящных, но зато в чрезвычайно просторных апартаментах. Ничего удивительного: каждый китайский посол имел под своим началом не менее десяти помощников, которые именовались главными знатоками протокола, а также около 50 евнухов, служивших посланнику в качестве секретарей. Помещения для команды находились на нижних палубах.

В 1407 г. Чжэн Хэ основал в Нанкине «Сю И Куань» (Ssu I Kuan) — своего рода институт иностранных языков, где обучались приписанные к флоту переводчики. Шестнадцать лучших выпускников этого учебного заведения путешествовали вместе с Золотыми флотами, помогая адмиралам общаться с правителями входивших в орбиту Китайской империи государств. Переводчики знали арабский и персидский языки, а также языки суахили, хинди, тамильский и многие, многие другие.

В империи Чжу Ди существовала веротерпимость (одно из важнейших достижений императора), поэтому в состав экипажа входили также мусульманские, индуистские и буддийские священнослужители, которые должны были обеспечить членам команды духовное руководство и при случае подать нуждающимся дельный совет. Буддизм, в основе которого лежали терпимость и сочувствие всем живым существам на земле, долгое время был наиболее распространенной религией китайского народа. Надо сказать, буддизм несколько не противоречил конфуцианству, которое можно назвать скорее собранием определенных моральных и житейских правил, нежели религией как таковой.

Во время описываемого нами шестого и последнего путешествия Золотых флотов, продолжавшегося до 1423 г., на борту находились буддийский монах Шен-Гуй (Sheng-Hui), а также такие религиозные учителя, как Ха Сан (Ha-San) и Пу Хэ-Ри (Pu-He-Ri)¹.

¹ L. Carrington Goodrich (ed.), *The Dictionary of Ming Biography*, Columbia UP, New York, 1976, p. 1365 [Л. Каррингтон Гудрич. «Биографический словарь династии Мин»].

После освящения и открытия Запретного города, а также торжественного вручения императору, в ознаменование этого события, первого тома всемирной «Энциклопедии годов правления под девизом Юнлэ¹» (Yongle Dadian) многие молодые ученые и студенты оказались не у дел. Поэтому Чжу Ди решил, что будет вполне естественным предложить им принять участие в грандиозном морском путешествии, где они могли бы продолжить свои научные изыскания. С помощью переводчиков китайские математики, астрономы, инженеры и архитекторы могли общаться со своими коллегами, проживавшими в странах бассейна Индийского океана, и обмениваться с ними научной информацией. Более того, когда тот или иной посол достигал места своего назначения и покидал корабль, в распоряжении ученых оказывались просторные помещения, которые можно было превратить в разнообразные лаборатории и проводить там научные эксперименты. Металлурги могли разведывать месторождения полезных ископаемых в тех странах, которые приходилось посещать флоту, врачи — отыскивать новые лечебные травы и лекарственные средства, а также способы лечения эпидемических заболеваний, в том числе таких грозных, как чума. Ботаники были призваны описывать неизвестные в Китае съедобные растения и учиться их культивировать. Надо сказать, китайские ученые сельскохозяйственного профиля и фермеры уже в то время знали, что такое растительные гибриды, и умели их выращивать.

Китайская флора была одной из самых богатых в мире. «Исследуя великое разнообразие полезных и съедобных растений, свойственных той или иной местности в этой стране, и отмечая, с какой тщательностью и умением они здесь культивировались, нельзя не прийти к выводу, что Китай не только мог, но и стал источником распространения отмеченных нами культур и у других народов². В от-

¹ Yongle — «Вечное счастье», девиз правления Чжу Ди. (Прим. ред.)

² N.I. Vavilov, *The Origin, Variation, Immunity and Breeding of Cultivated Plants* trs. K.S. Chester, *Chronica Botanica*, Vol. 13, Waltham, Mass., 1949–50 [Н.И. Вавилов. «Происхождение, разновидность, иммуни-

личие от Европы, которая после распада Римской империи потеряла знания в области культивирования и выращивания многих полезных растений, Китай подобного «темного периода» в своей истории не знал. Наука о растениях здесь неуклонно развивалась, а количество выращиваемых на территории Китая сельскохозяйственных культур с веками стабильно увеличивалось.

Нельзя не отметить, что в научном, исследовательском плане контраст между великими путешествиями, предпринятыми китайцами и европейцами, был разительным. Испанцы и португальцы в своих странствиях занимались преимущественно изъятием у населения запасов золота и серебра, попутно отражая нападения недовольных подобными реквизициями аборигенов. Из полезных же растений их интересовали только специи. Другими словами, нужды науки занимали их в последнюю очередь. Китайцы же вели научные изыскания такого масштаба, что тут с ними могли сравниться лишь исследования, проводившиеся в эпоху плаваний Джеймса Кука, который бороздил моря через три с половиной столетия после описываемых нами событий.

После того как адмиралы, иноземные вельможи и посланники поднялись на борт «плавающих сокровищниц», армада была наконец готова к отплытию. При всем том вода вокруг огромных судов буквально кипела: тысячи лодок и барж сновали между высокими бортами морских судов и берегом, продолжая доставлять на корабли пресную воду и съестные припасы. В течение нескольких недель рабочие в порту и матросы барж и судов, отвечавших за провиант, работали как бешеные, стремясь обеспечить всем необходимым морские экипажи, численность которых достигала 30 000 человек. Даже теперь, когда до отхода флота оставалось всего несколько часов, грузовые джонки неустанно продолжали свои челночные рейсы от порта к кораблям, подвозя рис, сушеную рыбу и овощи. Великая армада мог-

тет и разведение культурных растений». Пер. с англ. под редакцией К. С. Честера], and J. Needham, *Science and Civilisation in China*, Vol. VI, Pt 2, sec. 41, p. 428 [Дж. Нидхэм. «Наука и цивилизация Китая»].

ла находиться в море без захода в порты до трех месяцев и пройти за это время до 4500 миль — кстати, еще и по той причине, что, помимо доставленных на борт припасов, ее автономность должны были обеспечивать также водоналивные танкеры и сухогрузы, везущие зерно, которые шли вместе с конвоем. К слову, сухогрузы перевозили не только зерно, предназначенное для питания, но и посевное, селекционное, которое китайцы намеревались посадить в тех новооткрытых землях, где они собирались основать колонии. Кроме того, подобные посевы являлись частью китайской системы оказания благодеяний народам и странам, согласившимся признать власть Китайской империи.

На борт грузили также в большом количестве собак — для самых разных нужд. Это были и любимцы человека, обеспечивающие ему комфортное состояние во время плавания, домашние животные, до мяса которых многие китайцы были весьма охочи, и охотники на крыс, которых на кораблях было великое множество. На борту находились клетки с особыми породистыми азиатскими курами, которых предполагалось передать для разведения главам государств, входивших в орбиту Китайской империи. Предназначавшихся для кавалерии лошадей везли на специальных транспортных судах, где им был обеспечен надлежащий уход.

Дерево бетель.

Рисунок из книги Чен Лей Пэн Чао «Всеобщий справочник лечебных растений мира». Сверху — дерево, внизу — плоды. Текст слева подтверждает, что это дерево растет на островах южных морей.

Грандиозные размеры китайских кораблей, не говоря уже об общей численности китайского флота, лучше всего представить себе, сравнив их с другими судами, бороздящими в то время моря. В 1421 г. следующим по мощи после китайского флотом обладала Венеция. Венецианцы имели в своем распоряжении более 300 галер — быстрых и легких судов, корпуса которых обшивались в один слой дубовыми досками, и которые передвигались благодаря усилиям прикованных к деревянным скамьям гребцов. Нечего и говорить, что столь непрочные и легкие корабли могли ходить только по Средиземному морю, да и то в тихую погоду. В сущности, морские походы венецианцев напоминали лягушачьи прыжки — от острова до острова. Крупнейшие венецианские галеры были 150 футов в длину, 20 футов в ширину и могли перевозить в лучшем случае 50 тонн груза. В отличие от венецианских галер «плавающие сокровищницы» Чжу Ди представляли собой настоящие океанские корабли, конструкция и обшивка которых были изготовлены из прочнейшего дерева — тика. К примеру, рулевое перо одного такого судна достигало 36 футов, то есть было немногим меньше длины корпуса каравеллы «Нинья» — флагманского корабля Колумба, на котором он отплыл из Испании открывать Новый Свет. Каждая «плавающая сокровищница» могла принять на борт 2000 тонн груза и добраться до Малакки за 5 недель, а до Ормуза в Персидском заливе — за 12. Эти корабли были способны пересечь любой океан и могли годами непрерывно находиться в походе. Тот факт, что китайцы в своих путешествиях потеряли так много кораблей, свидетельствует не о недостаточной прочности их конструкции, но о выпавших на долю китайского флота суровых испытаниях, а также о том, что китайцы, оказавшись в совершенно незнакомом месте и пытаясь пристать к берегу, бывало, натыкались на острые подводные рифы или садились на мель.

Венецианские галеры защищали лучники, китайские же корабли несли на борту медные и железные пушки и мортиры, с помощью пороха метавшие в неприятеля каменные ядра, огненные стрелы и глиняные снаряды, начиненные

эксcrementами. Какой аспект ни возьми — конструкцию корабля, его грузоподъемность, способность справляться с повреждениями, вооружение, дальность, управление, навигационные приборы, возможность ремонта корабля в открытом море, — нетрудно заметить, что китайские судостроители обогнали своих западных конкурентов на века.

Другими словами, адмиралу Чжэн Хэ ничего бы не стоило уничтожить флот любого неприятеля, какой бы ни встретился на его пути. Сражение между китайскими кораблями и объединенным флотом остального мира, случись такое, походило бы на схватку стаи акул с жалкими мяконькими беззубыми сардинками.

Перед рассветом, часа в 4 утра, когда от бортов огромных кораблей отчалили последние грузовые джонки, армада начала выбирать якоря. На флоте прочитали благодарственную молитву в честь Шенню (Shennu, «божественной женщины», это одно из имен Matzu, или Mazu, — даосской богини моря), распустили алые паруса, и корабли, похожие на громадные величественные здания, медленно стронулись с места и, подгоняемые северо-восточным муссоном, направились к выходу из гавани. Головной корабль уже рассекал форштевнем волны Желтого моря, а с мачты последнего судна были еще видны таявшие в темноте портовые огни городка Тангу. Теперь моряков в течение долгих месяцев плавания должны были связывать с домом и берегом только лишь воспоминания, памятные подарки да захваченные из дома розы в горшочках, которые их владельцы старательно поливали, не жалея драгоценной пресной воды. Увы, большей части стоявших на реях матросов, вглядывавшихся до боли в глазах в родной берег, так и не суждено было вернуться на родину и увидеть своих близких. Многие из них умерли от болезней, многие погибли во время кораблекрушений, многие остались в чужих землях, став обитателями основанных там китайских колоний. Те же немногие счастливицы, кому удалось вернуться, ступив на китайскую землю, неожиданно обнаружили, что в стране за время их отсутствия произошли невиданные потрясения и перемены.

ПОД РАСКАТЫ ГРОМА

Ночью 9 мая 1421 г., через 2 месяца после отплытия флота Чжэн Хэ, над Запретным городом разразилась страшная буря.

«В эту же ночь вспыхнул пожар. Молния ударила в одну из башенок выстроенного императором нового дворца.

Огонь занялся так быстро и пламя запылало так ярко, что можно было подумать, будто разом зажгли 100 000 пропитанных маслом факелов. Пожар распространялся с огромной скоростью, и в скором времени стало казаться, что огнем охвачено все величественное здание. Впрочем, в значительной степени так оно и было. Выгорели все женские покои, расположенные за залом для аудиенций, и многие, многие другие. В общей сложности от огня пострадало более 250 различных построек, покоев, комнат и служб. В пламени погибло множество мужчин и женщин. Пожар продолжался всю ночь и все утро, и его удалось потушить лишь к полудню, когда наступил час дневной молитвы»¹.

Горящие обломки дерева летели по воздуху во все стороны. От пылающих головешек и искр занимались все но-

¹ Hafiz Abru, *A Persian Embassy to China, 1421*, trs. K. M. Maitra, Lahore, 1934, pp. 113–115 [Хафиз Абру. «Персидское посольство в Китае», 1421, под редакцией К. М. Майтра].

вые и новые покои и постройки внутри Запретного города. Загорелись зал Великой гармонии, зал Общей гармонии, зал Сохранения гармонии. Это были те самые великолепные здания и дворцы, где всего три месяца назад Чжу Ди принимал правителей и послов зарубежных государств. Даже императорский трон сгорел дотла — вместе с Тронным залом. «Пребывая в величайшей скорби от всего этого, император взошел в Храм Неба и долго и сосредоточенно молился, после чего молвил: «Владыка Неба разгневался на меня, сжег мой дворец, хотя я и не сделал ничего дурного. Я не оскорблял ни отца, ни матери, и никогда не был тираном»¹.

В огне погибла любимая наложница императора. Чжу Ди был настолько опечален этой утратой, что даже не смог дать необходимые указания относительно ритуала ее погребения в Императорском мавзолее.

«Печаль до такой степени завладела императором, что он отказывался чем-либо руководить, даже похоронами своих близких и слуг. Велел лишь отпустить на волю лошадей покойной любимой госпожи. Они паслись на холме, где находилась императорская усыпальница. После похорон госпожи там собрали также многих ее служанок и евнухов и оставили им продовольствия на пять лет в рассуждении, что, когда припасы закончатся, они, хорошенько все обдумав, предпочтут смерть у гробницы прекрасной хозяйки жизни в этом суетном мире»².

Китайские императоры искренне верили, что правят Китаем исключительно по воле Неба — получают от него, так сказать, своеобразный мандат на власть. Поэтому удар молнии, поразивший новый императорский дворец и вызвавший опустошительный пожар, не мог не вызвать у Чжу Ди тяжелого чувства. Он воспринял бедствие как знак того, что боги желают смены властителя на китайском троне. По этой причине Чжу Ди передал власть своему сыну Чжу

¹ Hafiz Abru, *A Persian Embassy to China, 1421*, trs. K. M. Maitra, Lahore, 1934, p. 115.

² Там же, стр. 115–117.

Гаочи, правда, временно. «Скорбь и болезнь терзали императора все сильнее; поэтому с некоторых пор его сын стал приходить в Зал аудиенций и занимать его место»¹. Пытаясь осознать глубинную суть обрушившегося на него бедствия, император обратился к народу со следующим эдиктом:

«Сердце наше полно тревоги, и мы не знаем, как ее унять. Нам кажется, что в последнее время мы с вами уделяли недостаточно внимания Небу и осуществляли ритуалы поклонения богам и духам с известной долей небрежения. Возможно также, что во время нашего правления имели место злоупотребления, нарушения закона и ошибки в ведении государственных дел. Очень может быть, что недостойные люди заняли ныне высокие посты, в то время как добрые и честные обыватели принуждены были страдать от их злоупотреблений и скрываться от несправедливых обвинений. Возможно также, что наказания ныне стали слишком суровыми и настигают все больше людей невинных, тогда как негодяи благоденствуют. Это ли, вопрошаю я вас, стало причиной обрушившегося на нас бедствия? Мы сейчас размышляем над тем, но ответа на этот вопрос — увы! — не находим. Говорю вам, люди, если вы совершили дурные деяния, то поторопитесь в них покаяться, дабы мы могли наказать виновных, очиститься перед Небом и вновь заслужить его расположение»².

Изданный императором эдикт вызвал целый шквал вполне предсказуемой критики и негативных комментариев со стороны мандаринов. В основном они напали на грандиозные замыслы императора, которые считали негодными Небу, поскольку Запретный город — их ядро и суть — был практически уничтожен пожаром. Постоянно подчеркивалось, что для его постройки были вырублены

¹ Hafiz Abru, *A Persian Embassy to China*, 1421, trs. K. M. Maitra, Lahore, 1934, p. 117.

² Shang Chuan, *Yongle Huang Di* (Шан Чуань. «Юнлэ Чжуан Ди»), Beijing, 1989, pp. 214–15, also the Cochin tablet in *Taizong shilu*, ch. 183, quoted in Louise Levathes, *When China Ruled the Seas*, Oxford UP, Oxford, 1996, p. 145 [также каменная плита из Кочина, описанная в «Хрониках Тай-цзуна», цит. по: Луиза Леватес, «Когда Китай правил морями»].

леса и рощи, а над его облицовкой и украшениями из мрамора и нефрита трудились десятки тысяч ремесленников, многие из которых умерли от непосильного труда. Не говоря уже о том, что по расширенному и углубленному в соответствии с рескриптом императора Великому каналу на север хлынуло зерно, кормившее южан, и отныне жители южных провинций были вынуждены есть корни и траву. Кроме того, великий пожар совпал по времени со страшной эпидемией неизвестной болезни на юге. В общей сложности от голода и эпидемий в одной только провинции Фуцзянь (Fujian) умерли до 174000 человек. Мертвых не успевали убирать; трупы лежали вдоль дороги, и некому было отвозить их и предавать погребению. Эпидемия казалась еще одним знаком богов, выражавших свое неодобрение правящему императору. Провинции волновались.

Мандарин Ся Юаньцзи (Xia Yuanji), министр государственных доходов и сборов, занимавшийся финансированием строительства Запретного города и снаряжением великой армады Чжэн Хэ, хотел из гуманных соображений великодушно взять всю ответственность за происшедшую катастрофу на себя, то есть покончить жизнь самоубийством, но на него не обратили внимания. Для усмирения недовольных были предприняты беспрецедентные меры. «На места»¹ были посланы 26 мандаринов, возглавивших чрезвычайные суды, которые должны были запугать народ и призвать его к порядку. Кроме того, чтобы спасти свой трон и побороть недовольство в высших сферах, Чжу Ди издал ряд запретительных и ограничительных декретов, в частности отменил будущие походы Золотого флота по Мировому океану и запретил заграничные путешествия.

Надо сказать, императора к тому времени преследовали разного рода несчастья и неудачи. За последние четыре года он перенес несколько кровоизлияний в мозг, от которых его лечили препаратом, содержащим мышьяк

¹ S. W. Mote and Denis Twitchett (eds), *The Cambridge History of China*, Vol. 7, *The Ming Dynasty*, Cambridge UP, Cambridge, 1988, p. 292 [С. У. Моут и Деннис Туитчетт. «Кембриджская история Китая»].

и ртуть. Эти элементы, вероятно, постоянно отравляли его организм. Кроме того, незадолго до великого пожара его сбросила лошадь, принадлежавшая знаменитому Тамерлану и подаренная императору сыном Тамерлана, тогдашним властителем Ирана — Шахрухом. Чжу Ди пришел в такой великий гнев, что одно время даже намеревался предать посла Шахруха смерти.

«Когда появился император, от послов потребовали слезть с лошадей и лечь на живот в пыль. Император же, подъехав, любезно предложил им снова забраться в седло. Послы сделали, как им было велено, и поехали рядом с императором. Император немедленно заговорил недовольным голосом, обращая свои укоры к Шади Кхвайя (Shadi Khwaja): «Я хотел покататься на одной из тех лошадей, что вы мне привезли, но она была настолько плоха и стара, что по неизвестной причине упала и сбросила меня. С того дня у меня на руке появился кровоподтек, и она стала сильно болеть. И боль эту смягчает лишь постоянное употребление золотой мази»¹.

Некий мандарин, пытаясь оправдать иранцев, написал следующее:

«Нельзя винить посла за качество даров, которые посылает один государь другому. Каких бы лошадей, хороших или плохих, не отослал иранский шах в подарок императору, это его забота и дело его совести, ибо послы везут лишь то, что им дадено. Если же император в гневе велит изрубить послов на куски, для их государя это будет не более чем укус комара. С другой стороны, всякий зарубежный государь или посол, заметив жестокое обращение с посланниками иного царства, всегда сможет сказать, что китайский император поступает противу всех установлений и правил»².

Но и это бы еще ничего. В скором времени недруги императора стали распространять унижавшие импера-

¹ См. Hafiz Abru, стр. 108.

² Цит. по: Louise Levathes, *When China Ruled the Seas*, Oxford UP, Oxford, 1994, p. 157 [Луиза Леватес. «Когда Китай правил морями»].

тора слухи о его недееспособности как мужчины. После 1404 г. у Чжу Ди перестали рождаться дети. По мнению многих, после смерти императрицы Ся (Xiū), последовавшей в 1407 г., император страдал от импотенции. К примеру, был зафиксирован случай, когда две императорские наложницы, дабы удовлетворить свою похоть, пытались вступить в интимную связь с одним из евнухов, который состоял в их охране. Этот факт дошел до императора, который назначил расследование, требуя изобличить крившийся в среде его наложниц и евнухов гнусный заговор. В результате предпринятого расследования в измене были обвинены 2800 императорских наложниц и евнухов. Многих из них Чжу Ди казнил лично, рубя головы. Однако прежде чем принять смерть, некоторые из корейских наложниц оскорбляли императора и в лицо обвиняли его в половом бессилии: «Вы лишились мужской силы, и по этой причине многие ваши наложницы вынуждены были искать плотских радостей с молодыми евнухами»¹.

Покинутый богами, больной и униженный престарелый император, у которого стали замечаться признаки умопомешательства, вынужден был тем не менее заниматься государственными делами, находившимися в далеко не блестящем состоянии. Проблемы множились. Возведение Запретного города, расширение и углубление Великого канала, строительство и снаряжение огромного флота Чжэн Хэ, укрепление и ремонт Великой Китайской стены вызвали колоссальное напряжение во всей китайской экономике, а безжалостная вырубка лесов в Аннаме и Вьетнаме стала причиной вспыхивавших там одно за другим народных восстаний.

Первое такое восстание началось в 1407 г. Возглавил его Ле Куи Ли (Le Qui Ly) — бывший министр вьетнамского двора, который узурпировал там трон и стал проводить популярные реформы, обеспечившие ему поддержку в об-

¹ Ellen F. Soulliere, *Palace Women in the Ming Dynasty*, Princeton University doctoral thesis, 1987 [Эллен Ф. Сулье. «Женщины при дворе династии Мин»], см. также: Louise Levathes, p. 226.

ществе. Была упрощена система налогообложения, для иностранных судов открыли порты, торговля процветала. Во избежание разорения крестьянских хозяйств крупным землевладельцам было запрещено отбирать и скупать по бросовой цене земли у мелких собственников. В стране была введена система общественного здравоохранения, были также реорганизованы армия и управленческий аппарат. Теперь продвижение по службе зависело не от богатства и связей, а от способностей человека. Главной целью политики Ле Куи Ли было добиться освобождения Вьетнама от китайского господства, превратив его из китайской колонии в гордое, независимое государство.

Чжу Ди послал на юг большую армию, поставив перед ней задачу подавить восстание, свергнуть Ле Куи Ли и неуклонно проводить политику, направленную на лишение вьетнамского народа его национальной самобытности. Солдаты сжигали вьетнамские книги и уничтожали произведения национального искусства. Отныне в школах Вьетнама обучали только китайскому языку и литературе, в обществе вводились китайские моды, а вьетнамские женщины обязаны были носить прически в китайском стиле. Соответственно, китайцы запретили местные религиозные культы, конфисковали богатства вьетнамских вельмож и продолжили практику вырубки ценных пород деревьев.

Второе большое восстание началось в 1418 г. На этот раз его возглавил аристократ и землевладелец Ле Лой (Le L'oi), который впоследствии основал династию, правившую Вьетнамом на протяжении 360 лет. Хотя китайцы дважды разбили его в открытом бою, ему всякий раз удавалось ускользнуть от своих преследователей. Укрывшись в джунглях, он собирал новую армию и продолжал борьбу. Несмотря на огромное преимущество в силах, китайцам так и не удалось схватить Ле Лоя и окончательно разбить его армию, которая придерживалась тактики партизанской войны.

Восстание в Аннаме и Вьетнаме ширилось; все побережье к югу от дельты Красной реки (неподалеку от совре-

менного Ханоя) было охвачено пламенем освободительной войны. Многочисленные китайские войска без особого успеха прочесывали джунгли или стояли гарнизонами в городах и деревнях. Довольно вялые и безуспешные действия китайских войск самым фатальным образом сказывались на состоянии казны, моральном духе императорской армии, да и всей Китайской империи в целом. Восстание во Вьетнаме представляло собой серьезную военную и политическую проблему. Будь Чжу Ди помоложе и действуй он с присущими ему прежде непреклонностью и жестокостью, весьма возможно, что он все-таки разрешил бы эту проблему. Однако годы брали свое, и обремененному болезнями и заботами императору уже не хватало ни сил, ни энергии, чтобы бороться с таким активным противником, как Ле Лой. В скором времени Ле Лой нанес китайским войскам такое тяжелое поражение, какого китайская армия не знала за все годы правления династии Мин. Это поражение стало еще одним страшным ударом по престижу империи и императора. Хотя Ле Лой официально провозгласил независимость своего государства лишь в 1428 г., удрученный поражением Чжу Ди вывел из Вьетнама большую часть своих войск уже к июлю 1421 г.

Со временем деморализованный поражением и сыпавшимися на него несчастьями старый больной император утратил контроль и над своим кабинетом министров. Власть над страной уплывала из его рук — и неудивительно. В правительстве Чжу Ди всегда существовала оппозиция. Фактически в ближайшем окружении императора действовали две разнонаправленные силы — кабинет мандаринов, отвечавший за финансы, экономику, законность, оборонную и внутреннюю политику, и евнухи, в чьем ведении находились армия и внешняя политика государства. Будучи на пике своего могущества, Чжу Ди мог позволить себе выслушивать критические замечания со стороны мандаринов. Более того, он смотрел сквозь пальцы на то, что они проводили много времени с его любимым сыном и преемником Чжу Гаочи. Между тем мандарины исподволь внушали наследнику крамольные мысли о том, что стране не

под силу осуществить грандиозные планы Чжу Ди. Кроме того, они осуждали внешнюю политику Чжу Ди, а также выражали мнение, что император неправильно выбрал место для Запретного города, предпочтя суровый север мягкому, благодатному югу. Когда же Чжу Ди одряхлел и стал страдать от многочисленных болезней, они поторопились воспользоваться своим влиянием на принца, чтобы повернуть маховик государственной политики вспять.

Разразившийся дипломатический кризис способствовал развалу правительства Чжу Ди. Почувствовав слабость императора, зримые проявления которой можно было наблюдать во время и после пожара в Запретном городе, Великий хан монголов Аругтай (Arughtai) отказался выплачивать требуемую Китаем дань. Чжу Ди увидел в этом долгожданную возможность восстановить свой пошатнувшийся авторитет, решил лично возглавить китайскую армию, разбить монголов и вновь привести Аругтая к подчинению. В молодости Чжу Ди в схватках с монголами более всего полагался на подвижность, выучку и отличное вооружение китайской конницы. Теперь же, отправляясь в поход, Чжу Ди собрал гигантскую армию, насчитывавшую миллион солдат и имевшую более 334 тысяч лошадей и мулов, и двинулся походом на север в монгольские степи. Только для подвоза продовольствия этому гигантскому войску требовалось 177 500 телег и повозок. Министр государственных доходов и сборов Ся Юаньци — этот финансовый гений, сумевший аккумулировать в государственной казне достаточно средств, чтобы финансировать строительство Запретного города, реставрацию Великой Китайской стены, углубление Великого канала и снаряжение морской армады Чжэн Хэ, прямо сказал императору, что средств на его новое предприятие он изыскать не сможет. Против похода императора в монгольские степи возражал также министр юстиции Ву Чжон (Wu Zhong). Чжу Ди немедленно приказал арестовать непокорных министров. Тогда военный министр Фан Бин (Fang Bin) в знак протеста покончил жизнь самоубийством. Таким образом, к концу этого ужасного года Чжу Ди лишился своих наиболее спо-

собных министров, без которых его кабинет рассыпался, как картонный домик

Как и опасались министры, военный поход Чжу Ди завершился неудачно. Хан Аругтай просто-напросто растворился со своим войском в бескрайних просторах монгольской степи, и гигантской армии Чжу Ди пришлось гоняться за ним по дикой незнакомой местности, что, по правде говоря, оказалось китайцам не под силу — уж слишком неповоротливым и обремененным обозами было их войско.

Двенадцатого августа 1424 г., преследуя вечно ускользавшего от него Аругтая, старый, больной и сломленный неудачами Чжу Ди умер. Ему было 64 года. Расплавив армейские котлы и сковородки, кузнецы и мастера по металлу изготовили огромный чугунный гроб, в котором умерший император был доставлен на пепелище возведенного им Запретного города, где гроб с его останками простоял в течение 100 дней.

Похороны Чжу Ди были столь же эпохальными и величественными, как и вся его жизнь. Похоронную процессию возглавляла старая императорская гвардия. Десять тысяч солдат и офицеров в парадной форме провожали останки венценосца к величественному императорскому мавзолею Чан Лин (Chang Ling), вырубленному у подножия горы на северо-западе от Пекина. Двигалась процессия медленно — в течение двух дней, хотя расстояние до мавзолея было не так велико. Добравшись до императорской усыпальницы, процессия при свете неяркого осеннего солнца направилась к входу в мавзолей по мощенной камнем дороге, по обеим сторонам которой стояли высеченные из камня изображения животных. После принесения в жертву необходимого числа белых буйволов гроб с прахом императора был положен в роскошную каменную гробницу. Рядом с ним возложили желтые императорские одежды, драгоценное оружие и прочие военные императорские регалии. Вместе с гробом Чжу Ди были заживо замурованы 16 императорских наложниц. Когда вход в усыпальницу закладывали камнем, придворные явственно слышали крики погребаемых заживо женщин. Так, под грохот барабанов

и пронзительные женские крики завершилось царствование человека, которого по праву можно назвать одним из самых великих провидцев и мечтателей в истории человечества.

Седьмого сентября 1424 г. императорский трон Китая занял Чжу Гаочи — старший сын покойного Чжу Ди. В первый же день своего правления он издал следующий эдикт:

«Все путешествия Золотого флота отныне должны быть прекращены. Корабли, стоящие в Тайцане (Taicang) — порт Янцзы (Yangtze), — необходимо перевести в Нанкин, а находящиеся у них на борту товары передать Департаменту внутренних дел и оставить на хранение на принадлежащих ему складах. Если среди иностранных посланников есть желающие вернуться на родину, им будет предоставлен небольшой конвой. Пребывающие в данный момент на борту больших кораблей чиновники и другие официальные лица, которым поручены те или иные правительственные задания, обязаны немедленно вернуться в столицу, те же, кого привлекли для участия в будущих путешествиях Золотого флота, могут разойтись по домам.

Строительство и ремонт «плавающих сокровищниц» немедленно прекратить. Вырубку строевого леса проводить отныне в пределах, установленных в годы правления императора Хон Ву (отца императора Чжу Ди). Порубку выше указанной нормы запретить. Все государственные закупки, связанные с дальними морскими переходами, а также изготовление медной монеты, массовую заготовку шелка-сырца, мускуса и листовой меди приостановить. Подданным империи, так или иначе участвовавшим в упомянутых закупках и заготовительской деятельности, предписывается вернуться в столицу»¹.

Чжу Гаочи приказал также немедленно освободить крупных чиновников, посаженных его отцом в темницу, в том числе мандарина Ся Юаньцзи, министра государственных доходов и сборов. Министр Ся немедленно предпринял ряд шагов в целях обуздания инфляции, в част-

¹ См. Louise Levathes, стр. 163–164.

ности запретил добычу золота и серебра на шахтах и рудниках, чтобы стабилизировать количество находившейся в обращении монеты из драгоценных металлов. Бумажных денег финансовая реформа не затронула (бумажные деньги были изобретены в Китае в 806 г. н. э. — за много веков до того, как они стали появляться в Европе), зато она коснулась перца и прочих пряностей, которые в Китае ходили наравне с золотой и серебряной монетами. Увы, с отплытием Золотого флота количество перца и прочих специй в императорских хранилищах сильно поубавилось, поэтому вывоз их из страны был запрещен. Кроме того, жителям империи не разрешалось приобретать в собственность предметы роскоши. Были также сокращены многие бюджетные расходы, а все расходы по содержанию Золотого флота урезаны до минимума. «Китай в состоянии производить все необходимые для жизни товары и продукты самостоятельно. Мы вас спрашиваем: зачем империи тратить средства на закупку дорогостоящих безделушек за границей?»¹

Новый император, полный молодой мужчина, склонный к созерцанию, был противником войн и не проявлял к армии никакого интереса. Он даже с отцом никогда не ходил в военные походы, предпочитая нежиться во дворце и вести умные разговоры со своими учеными мандаринами. Его жизненные принципы целиком основывались на ценностях конфуцианского учения. «Избавить человека от нищеты — все равно что вывести его из охваченного пожаром дома или вытащить на берег из бурных вод быстрой горной реки. Благонамеренный человек в подобном случае не должен колебаться»² — так он стал рассуждать, избавившись от опеки своего властного, решительного и жестокого отца. Евнухов, поддерживавших экспансионистскую политику

¹ P. V. Ebrey, *The Cambridge Illustrated History of China*, Cambridge UP, Cambridge, 1996, p. 278 [П. В. Эбри. «Кембриджская иллюстрированная история Китая»].

² Цит. по: L. Carrington Goodrich (ed.), *The Dictionary of Ming Biography*, Columbia UP, New York, 1976, p. 338 [Л. Каррингтон Гудрич. «Биографический словарь династии Мин»].

Чжу Ди, которая поставила Китай на край бездны, он не одобрял.

Последние корабли из отправленного в плавание императором Чжу Ди Золотого флота добрались до портов Китая в октябре 1423 г., пробыв в океане в общей сложности два с половиной года. Моряки из эскадры Чжэн Хэ ничего не знали о происшедших в стране переменах и, естественно, ожидали, что их встретят как героев — тем более что их странствия завершились невиданным успехом. Они достигли берегов неизвестных земель и стран, усовершенствовались в искусстве навигации и привезли с собой множество чудесных вещей, образцов удивительных растений и невиданных животных. Однако ничего подобного не произошло. Вернувшись на родину, капитаны и адмиралы Золотого флота подверглись всевозможным унижениям и репрессиям. Только Чжэн Хэ это не коснулось — уж слишком уважаемым человеком он был на родине. Но и его отправили в отставку, правда, сохранив за ним адмиральскую пенсию и дав ему место смотрителя императорской гавани в Нанкине. Кроме того, ему оставили подаренный императором Чжу Ди дворец и позволили закончить строительство мечети, которую он начал возводить еще до отплытия.

Чжу Гаочи умер в 1425 г., процарствовав всего год. Трон унаследовал его сын Чжу Чжаньцзи (Zhu Zhanji), который с еще большим усердием продолжал проводить политику своего отца. На землях Китая воцарилась гармония вполне в конфуцианском духе. Другими словами, страной, как и прежде, стали управлять сельские помещики, которым во всем подчинялись крестьяне. До тех пор, пока ирригационные системы находились в работоспособном состоянии, а крестьяне могли прокормить свои семьи, никто не собирался проводить реформы как в экономике, так и во внутренней политике Китая. Хуже было то, что гениальные, нестандартно мыслящие люди оказались не востребованными. Старая государственная машина снова заработала в полную силу, отмечая все новое и непривычное. Торговцы и купцы влиянием не пользовались, банкиры и военные пре-

бывали в забвении, а доходы от торговли с иностранцами составляли всего один процент от общих доходов империи. Впрочем, Чжу Чжаньци позволил все же адмиралу Чжэн Хэ в 1431 г. совершить еще одно путешествие — в Мекку, дойдя до северо-восточной Африки и Аравийского полуострова, поскольку Чжэн Хэ был ревностным мусульманином, но на этом эра дальних странствий закончилась.

Со смертью Чжу Чжаньци, последовавшей в 1435 г., в стране установился режим ксенофобии. Первый же эдикт нового императора запрещал торговлю с иностранными государствами, как и вообще путешествия за границу. Всякий купец, пытавшийся вывезти на корабле товары в другую страну, приравнивался к пирату и подлежал немедленной казни. В течение какого-то времени было запрещено даже изучение иностранных языков, равно как и преподавание китайского языка иностранцам.

Запрет на торговлю с заграницей существовал в Китае на протяжении сотен лет. Когда же в 1644 г. династия Мин сменилась династией Цин (Qing), изоляция Китая от остального мира стала еще более строгой. Чтобы предотвратить всякие попытки сношений жителей империи с иностранцами, южное побережье Китая на протяжении 700 миль было разорено и выжжено на глубину до 30 миль и совершенно опустело, поскольку обитателям прибрежной полосы было предложено перебраться в глубь страны. Судостроительные доки дряхлели и приходили в негодность, но властителям империи и этого было мало. Даже чертежи огромных «плавучих сокровищниц» были уничтожены, не говоря уже об отчетах их капитанов о путешествиях в дальние страны. Мандарин Лю Даци (Liu Dazia), главный чиновник военного министерства, изъял записи об этом путешествии даже из государственных архивов. Он заявил, что «экспедиция Сан Бао (так он называл Чжэн Хэ) на запад была пустой тратой огромных средств и, что важнее, человеческих жизней, поскольку люди во время плавания мерли тысячами, как мухи». Товары же, которые корабли Золотого флота привезли в Китай — бетель, черный бамбук, виноградная лоза, гранаты, яйца страусов и тому подобные вещи, —

совершенно бесполезны для хозяйствования империи. Что же касается дневников путешествий — «записей чрезвычайно странных и рассказывающих о столь невероятных вещах, что человеческое воображение даже вряд ли может такое себе представить», — все это суть занесенные на бумагу вредные измышления, которые заслуживают сожжения. В своих дальнейших отчетах военному министру Лю Даци коротко замечает, что записи об экспедиции Чжэн Хэ и вахтенные журналы кораблей «утрачены»¹. Увы, утрачены были не только бесценные записи о великом путешествии Чжэн Хэ, Китай лишился и всех земель, открытых моряками Золотого флота во время экспедиции. Более того, правители Китая желали стереть из народной памяти даже мысль о том, что где-то там, на другом конце земли, живут люди, отличающиеся по повадкам и обликом от китайцев. Только пираты и контрабандисты могли еще поддерживать связь между медленно агонизирующим колоссом и остальным миром. Нечего и говорить, что основанные китайцами колонии в Африке, Австралии, в Северной и Южной Америке были забыты, а обитавшие там люди предоставлены своей судьбе.

С конца 1421 г. Поднебесная империя начала постепенно впадать в своеобразную летаргию, в которой и пребывала на протяжении многих веков. Было сделано все, чтобы предать забвению наследие императора Чжу Ди и его преданных сторонников, таких, как, например, Чжэн Хэ, который возглавил и осуществил величайшее морское путешествие всех времен и народов. Какие океаны пересекли китайские моряки, какие земли видели, какие открытия сделали и какие колонии основали — все это с течением времени представляло все меньший интерес для правящей

¹ 13. См. J. Needham, *Science and Civilisation in China*, Vol. 4, Pt 3, Cambridge UP, Cambridge, 1954, p. 525 [Дж. Нидхэм. «Наука и цивилизация Китая»]; а также J.J.L. Duyvendak, «China's Discovery of Africa», *Probsthain*, 1949, p. 27 [Дж. Дж. Л. Дьювендак. «Открытие Китаем Африки»] и *The True Dates of the Chinese Maritime Expeditions in the Early Fifteenth Century*, *Toung Pao*, XXXIV, pp. 395–398 [«Подлинные даты китайских морских путешествий в начале XV в.»].

китайской элиты. Корабли, вернувшись на родину, догнивали у берега, а на смену им не пришло ни одно новое судно. Бортовые журналы кораблей и записи путешественников исчезли, и даже сама память об этих мужественных первопроходцах морей была столь искусно стерта из сознания целой нации, что, казалось, их и вовсе никогда не существовало. Но как только Китай, предав забвению свои великие географические и научные открытия, на века отгородился и от остального мира, оброненный им факел дальних странствий подхватили другие народы и страны. Но все великие морские путешественники, исследователи и колонизаторы других стран шли к заветной цели, следуя за тенью кораблей Чжэн Хэ и его адмиралов.

ФЛОТ ПЛЫВЕТ

Пребывая в полнейшем неведении о грядущих радикальных изменениях в политике Поднебесной, адмиралы и капитаны флота Чжэн Хэ продолжали держать прежний курс: великая армада величественно плыла к югу, пересекая Желтое море. Так началось великое путешествие, целью которого было достижение «края земли». Рано утром 5 марта 1421 г. кормщик, имея Полярную звезду строго за кормой, предложил штурману определиться — вычислить с помощью секстанта положение звезды относительно горизонта. Сделав первые вычисления, навигаторы продолжали

двигаться на юг в течение 24 часов, потом снова определили положение Полярной звезды. Идя в южном направлении, навигаторы к концу первого дня путешествия не только смогли определить изменение географической широты, но и отрегулировать компасы с поправкой на магнитное воздействие полюсов, а также измерить скорость конвоя, пройденное им за день расстояние и соответствующим образом откалибровать лот.

О способах навигации, которыми пользовались Чжэн Хэ и его адмиралы, можно узнать из документа, называемого «Карта Мао Куня» из трактата «Wu Pei Chi», счастливо избежавшей уничтожения и дошедшей до наших дней¹. Это карта и вместе с тем в полном смысле слова инструкция по управлению судном и ведению войны на море, предназначенная для штурманов и капитанов. Подобного рода инструкции наносились на тонкие длинные полоски шелка или рисовой бумаги, вручались капитану корабля перед выходом из порта и содержали конкретные указания относительно особенностей того или иного маршрута. Отправляясь в ту или иную часть света, моряк уже знал, как в звездном небе над его головой будут располагаться звезды и как ему проложить курс корабля. Помимо этого, карта включала в себя детальное описание островов, мимо которых предстояло судну пройти, а также мысов, заливов, бухт и бухточек. Благодаря этому документу можно установить не только привычные маршруты китайских судов, но и степень точности, с какой проводились навигационные вычисления, а также способность навигаторов того времени прокладывать курс по звездам. Так что значение этого документа трудно переоценить.

Полярная звезда для китайских мореплавателей имела чрезвычайно важное значение — и как символ, и как своего рода небесный маяк. Она являлась краеугольным камнем китайской астрономической науки, поскольку считалось, что полюс занимает на планете высшую точку, аналогично тому как китайский император занимает высшее положение среди всех народов земли. Подобно тому, как императора окружали при дворе мандарины, придворные и евнухи, Полярную звезду на небе так же окружали придворные — звезды поменьше и не столь яркие. Чем ближе эти звезды-придворные оказывались к Полярной звезде, тем важнее становилось их значение в небесной иерархии. Конфуций говорил:

¹ Оригинал карты находится в Пекине; копии можно найти и в библиотеке Британского музея.

«Точно так же, как император приближает к себе или отдаляет от себя того или иного подданного, сидя недвижно на троне, Полярная звезда, пребывая в состоянии покоя, вызывает вращение вокруг себя небесных тел»¹.

Западная астрономия, чьи принципы впервые изложили Аристотель и Птолемей, в качестве отправной точки для определения географической широты использовала экватор. В Китайской астрономической науке географическая широта определялась расстоянием от Северного полюса, которое, в свою очередь, определялось положением в небе Полярной звезды — ее высотой над горизонтом. Полярная звезда, которую легко отличить от прочих и увидеть на небе в любую погоду, находится строго над Северным полюсом. Китайцы считали это как 90° высоты или же 90° широты. На экваторе звезда находится на линии горизонта; это по китайским вычислениям соответствовало 0° высоты или 0° широты. Таким образом, замеряя высоту положения Полярной звезды над линией горизонта, китайцы определяли географическую широту. Кроме того, в соответствии с положением Полярной звезды по отношению к горизонту китайцы корректировали показания корабельного магнитного компаса.

К 1421 г. китайские моряки обладали уже более чем шестивековым опытом морской навигации, в основе которой лежали расчеты положения Полярной звезды и других звезд Северного полушария. Видя одну звезду или созвездие, китайцы с легкостью могли определить, где находятся на небе другие звезды, которые они мысленно объединяли с Полярной даже в том случае, если она еще не «взошла» на ночном небе.

При всем том китайцы не умели использовать Солнце для определения географической широты². Это знание стало доступно португальцам примерно в 1474 г. С тех пор они

¹ J. Needham, *Science and Civilisation in China*, Vol. 3, sec. 20, Cambridge UP, Cambridge, 1954, p. 230 [Дж. Нидхэм. «Наука и цивилизация Китая»].

² Там же. Vol. 4, Pt 3, pp. 565.

могли определять широту в светлое время суток как в Северном, так и в Южном полушарии. Китайцы же не умели определять географическую широту к югу от экватора, где Полярную звезду не было видно. Отыскать в небе над Южным полушарием столь же яркую звезду, как Полярная, которая могла бы играть аналогичную роль, являлось всегда мечтой любого китайского навигатора.

В VII в. н. э. китайцы уже умели выдерживать правильный курс корабля с помощью компаса и знали о магнитных полюсах и свойствах магнитов. Тонкая пластинка намагниченного железа плавала в масле; при этом один конец ее всегда указывал в сторону «магнитного» севера. В 1421 г. китайские моряки двигались в нужном им направлении, руководствуясь вполне надежным компасом, имевшим погрешность в пределах двух градусов. Пройденное расстояние китайцы измеряли с помощью песочных часов. В больших песочных часах песок пересыпался из одной стеклянной сферы в другую в течение двух с половиной часов: именно столько времени, сколько продолжалась морская вахта. К концу вахты моряк умножал среднюю скорость корабля на два с половиной и заносил полученные данные в вахтенный журнал.

Однако вычисление географической долготы представляло собой проблему, которую китайцам не удавалось разрешить вплоть до начала шестого и последнего путешествия Золотого флота Чжэн Хэ. Изменения в долго-

Навигационная схема, которой пользовался Чжэн Хэ во время плавания из Шри-Ланки к Суматре. Помещена в лоции «Карта Мао Куня»

те зависят от четырех вещей: курса корабля, его скорости, времени движения и от того, на юг или на север от экватора движется судно. Отмечая по песочным часам время, зная скорость судна и его курс по компасу, капитан мог с достаточной степенью точности определить изменения в долготе. Однако подобное определение географической долготы таило в себе существенные недостатки. Если водная поверхность, по которой двигался корабль, в силу разных причин сама находилась в движении относительно неподвижного берега или более стабильных водных масс — например, если корабль подхватывало сильное морское течение, — моряку было трудно правильно вычислить долготу. Это можно было сделать, лишь замеряя так называемое «абсолютное» время, чего, к слову сказать, европейцам удалось достичь лишь через три с половиной столетия после описываемых событий, когда Джон Хэррисон изобрел морской хронометр. Но к началу шестого путешествия отсутствие точного инструмента стало причиной значительных ошибок китайцев в вычислении долготы. Навигация по Полярной звезде позволяла определять долготу к северу от экватора сравнительно с большой точностью, но при отсутствии этого нерукотворного маяка и наличии движения самостоятельных мощных водных масс определение долготы представляло большую проблему, которую китайцам удалось разрешить лишь в самом конце великого путешествия.

Имея за плечами многовековой опыт морских путешествий по бурным морям, китайские морские инженеры разработали конструкцию прочного морского судна, которое собиралось из отдельных секций. Каждая секция имела с обеих сторон водонепроницаемые переборки вроде перегородок, существующих на стебле бамбука. Секции судна скреплялись между собой с помощью латунных или медных штырей, каждый из которых весил несколько килограммов. Изготовленный из тика каркас судна обшивался тремя слоями досок из твердых пород дерева с помощью гвоздей. Промежутки между досками заполнялись кокосовыми волокнами и заливались смесью из расплавленного тунгово-

го масла, извести и птичьего клея. Этот своеобразный водоотталкивающий лак использовался для придания герметичности деревянному корпусу судна начиная с VII в. н. э. Однако для строительства и снаряжения большого флота такого лака требовалось очень много. По этой причине на берегах Янцзы во времена правления императора Чжу Ди выросли целые плантации тунговых деревьев.

Морские инженеры, работавшие на Лунзянских судостроительных верфях, стремились создать корабли, способные выдержать даже самые суровые океанские штормы. Усиленный особенно прочными деревянными брусьями форштевень корабля позволял ему рассекать любую волну, а изготовленный из тика киль, идущий по всей длине судна, помогал сохранять остойчивость при качке. Для еще большей остойчивости к нижней части судна вдоль киля прикреплялись металлическими скобами особой формы тяжелые камни. Помимо основного, существовали и съемные кили, которые по мере необходимости можно было опускать и поднимать как с левого, так и с правого бортов. Чтобы уменьшить качку, во время шторма с правого и левого бортов в воду опускали также специальные якоря — своего рода стабилизаторы качки. Китайские корабли были так искусно построены, что даже при сильном волнении качка на них почти не чувствовалась.

«Плавучая сокровищница» могла выдержать даже тайфун, а состоявшая из отдельных секций конструкция позволяла ей оставаться на плаву даже после столкновения с рифом или с айсбергом. Такой корабль остался бы на плаву даже в том случае, если бы любые из водонепроницаемых секций судна получили пробоины и оказались целиком заполнены водой. Чтобы увеличить полезную нагрузку, кораблестроители сделали корпус судна максимально широким, а дно плоским. Изготовленные из особо прочного шелка паруса, помимо основных рей, укреплялись на специальных бамбуковых реечках, образовавших прочный каркас (так называемые рейковые паруса), и могли поворачиваться под углом к воздушному потоку. Кстати сказать, подобные паруса были характерны для

всех китайских парусников. Это давало китайцам возможность быстро поворачивать паруса по ветру, а при необходимости так же быстро их убирать.

Наиболее надежными китайскими судами в XIV и XV вв., и вне всякого сомнения, самыми крупными, были китайские джонки. Ибн Баттута (1304–1377), марокканский путешественник и писатель, который странствовал по Азии в XIV в., писал, что торговые перевозки между Малабарским (Malabar) берегом в Индии и Китаем ведутся исключительно на китайских судах. Через 5 веков после этого, в 1848 г., китайская джонка, построенная по всем правилам средневекового кораблестроительного искусства, ходила из Шанхая в Лондон с заходом в Нью-Йорк. Команда джонки состояла из английских морских офицеров. Так вот, они отмечали, что джонка отлично слушалась руля, могла ходить при попутном и даже при боковом ветре и развивала вполне приличную скорость. При всех своих достоинствах джонки относились к тому типу кораблей, которые должны были осуществлять перевозки в основном между китайским и африканским побережьями, с чем, надо сказать, они вполне успешно справлялись на протяжении веков, подгоняемые ровно дувшими муссонами, меняющими свое направление в этих краях всего дважды в год. К сожалению, китайцы почти не умели лавировать и переменяя галсы, идти против ветра, а ходовые качества джонок выявлялись наилучшим образом, лишь когда они шли при попутном ветре, что создавало известные ограничения при плавании в широтах, где ветры постоянно меняли направление. Этот недостаток китайских кораблей проявился, когда они вышли из зоны так называемого муссонного пояса в Южно-Китайском море и Индийском океане, и не мог не сказаться на дальнейшем маршруте Золотого флота.

Командовавшие этой армадой евнухи, как адмиралы, так и капитаны, не знали себе равных в Китае и были опытными в морском деле. Другое дело команды их кораблей. В Средние века матросов, как в Китае, так и в других странах, включая европейские, набирали из низших слоев общества. Многие низшие чины были преступниками

и шли в плавание, чтобы избежать заключения в темницу или ссылки. Что ж, в некотором отношении жизнь матросов была значительно лучше жизни заключенного. Прежде всего им выдавали форму — белую холщовую робу до колен, кроме того, их неплохо кормили, они получали свою порцию спиртного, а также могли пользоваться услугами лекаря. При штабе Золотого флота числились около 180 лекарей и хирургов, кроме того, на каждые 150 членов экипажа полагался свой особый лекарь, отвечавший за здоровье этих людей. Однако при всей заботе, которую, казалось бы, проявляло руководство к экипажу и его нуждам, потери среди нижних чинов были огромные. Тяготы путешествия были столь велики, что на родину возвращался лишь один моряк из десяти. Впрочем, возвратившихся из дальнего похода щедро награждали (это относится к плаваниям Золотого флота до 1421 г.). Если они были преступниками, им прощали грехи и, кроме того, назначали неплохие пенсии.

Подобно всем морякам на свете, китайские мореплаватели были людьми суеверными. На каждом корабле великой армады имелась особая каюта-часовенка, посвященная Шенню — святой заступнице моряков. Вечером перед ужином на каждом корабле читалась посвященная ей коллективная молитва. Когда китайские моряки сходили на берег в иностранном порту, они не забывали брать с собой круглое бронзовое зеркальце, которое согласно поверью должно было отпугивать злых духов. С этой же целью применялось так называемое священное буддийское колесо, которое медленно крутили за ручку, распевая молитвы. Однако это можно было делать лишь на борту из-за некоторой громоздкости этого устройства.

Элиту команды составляли навигаторы (штурманы) и знатоки компаса; для работы им был предоставлен закрытый мостик, жили они и питались отдельно от других членов команды. На кораблях также находилось изрядное количество ремесленников и квалифицированных мастеров всех профессий и специальностей — конопатчики, мастера по шитью парусов, кузнецы, механики, плотники, лакировщики и маляры, которые должны были ремонтиро-

вать корабли и поддерживать их в пригодном для плавания в открытом море состоянии. На борт приняли даже каменщиков и резчиков по камню, которые, завершив работу в Запретном городе, оказались не у дел. В составе экипажа имелся также ученый-историк Ма Хуань (Ma Huan), в обязанности которого входило написание истории путешествия. Его дневники под общим названием «Полное описание берегов океана» (*Yingya Shenglan*) были опубликованы в 1451 г., то есть через 20 лет после последнего путешествия Чжэн Хэ.

Сыпучие продукты — бобы сои, пшеницу, чечевицу и рис — везли на особых кораблях-зерновозах, которые были так велики, что это позволяло флоту до четырех месяцев находиться в открытом море, не заходя в порты и не пополняя запасов продовольствия. Тут, однако, существовала большая опасность: стоило только одному или нескольким зерновозам затонуть, как флот неожиданно мог оказаться в отчаянном положении. Молодые бобы сои, которые круглый год выращивали на борту в специальных кадках, использовались в самых разных целях. В частности, длинные побеги, так называемые «желтые усы», которые давала соя, служили источником аскорбиновой кислоты, рибофлавина и никотиновой кислоты, являющихся составными элементами витамина С, и помогали экипажу спастись от такой ужасной болезни, как цинга. Китайские лекари отлично понимали опасность цинги и знали средства борьбы с ней. С этой целью на борт брали также большие запасы цитрусовых — диких и окультуренных лимонов, апельсинов и грейпфрутов — и других содержащих витамин С плодов, таких, к примеру, как кокосовые орехи. Надо сказать, что более всего в этом отношении ценились грейпфруты, целебные свойства которых были известны китайским медикам еще с V в. до н. э. «Разумный и рачительный государь должен знать, какую большую пользу может принести государству Чу высаживание на его землях плодовых садов, где произрастают апельсины и грейпфруты»¹.

¹ J. Needham, *Science and Civilisation in China*. Vol. 6, Pt 1, pp. 365.

Рис был не белым, а коричневым; его шелуха служила источником витамина В₁. Китайцы знали о целебных свойствах и этого витамина, а потому болезнь бери-бери, вызывающая дегенерацию нервной системы, встречалась у китайских моряков крайне редко. Из свежих овощей на корабельном камбузе чаще всего можно было обнаружить капусту, турнепс и молодые побеги бамбука. Когда овощи подходили к концу, моряки ели «желтые усы» сои, которые в этом случае приобретали особую ценность. Из сои делали также соевый творог, или тофу, богатый витамином D, и любимый всеми соевый соус. Тофу и овощи также часто приправляли соусом из рыбы, сушеных водорослей и специй. Кроме того, такую пищевую добавку, как глутамат, получали из зерен пшеницы. Их жевали, жвачку выплевывали в котел и ставили в теплое место для ферментации. Подобный способ приготовления глутамата существует в латиноамериканских деревушках и в наши дни. Из пшеничной муки приготавливали также лапшу, макароны и клецки. Сахарный тростник использовали для подслащивания сушеных фруктов или просто жевали, откусывая по кусочку от стебля.

Фрукты и овощи хранили или консервировали самыми различными способами, часто довольно остроумными. Фрукты сушили или засыпали сахаром, груши, побеги бамбука и виноград зарывали в песок, овощи солили или маринвали в уксусе с добавлением сахара¹.

Мясо на кораблях имелось в ограниченном количестве. По преимуществу это было мясо собак, которых держали на борту и кормили с целью последующего употребления их в пищу. Важное место в мясном рационе представляли также лягушки, которых содержали в специальных чанах. Цыплят, предназначенных для ритуала гадания, берегли и в пищу не употребляли, зато рыбы — свежей, соленой, сушеной, а также чуть «с душком» для пикантности (так сказать, ферментированной) — было сколько угодно. Рыбу ловили специально выдрессированные для этого морские

¹ Там же. Vol. 6, Pt 5, pp. 19.

выдры; обычно эти животные работали парами, загоняя в сети стаи мелкой рыбешки. Кроме того, рыбу ловили с помощью неводов и на крючок. Матросы пили зеленый, черный и красный китайские чаи и рисовое вино, которое было чрезвычайно популярно. «Через шесть месяцев [в августе] мы еще жевали дикие сливы и ягоды; когда пошел седьмой месяц, варили кабачки и фасоль, когда миновал восьмой, стали есть сушеные финики, а на десятый месяц раздобыли риса и приготовили крепкое вино, чтобы выпить за здоровье и долголетие»¹.

Из вина делали ликеры, водку и уксус. На специальных джонках везли большие запасы питьевой воды, которую при первой необходимости перекачивали на корабли. При всем том китайцы умели получать дистиллированную воду из морской воды, используя в своих дистилляционных устройствах для правильного процесса опреснения тюленью ворвань или даже вполне современный керосин. Умея опреснять воду и сохранять овощи в течение длительного времени, китайцы могли переплыть любой океан без особого ущерба для здоровья команды. Пища, которую потребляли китайские моряки во время плавания, была куда более разнообразной и питательной, нежели рацион матросов Магеллана во время его знаменитого кругосветного плавания спустя столетие. «Мы ели одни только заплесневелые сухари, превратившиеся в труху, где попадались черви и крысиный помет»². На китайских кораблях за крысами охотились особые собаки, взятые в плавание именно с этой целью. Для уничтожения вредных насекомых применялся мышьяк, который, кстати, использовался также в качестве удобрения, вносившегося в почву в кадках, где выращивались овощи.

Наложниц на корабли набирали из плавучих борделей в Кантоне³. Эти девушки принадлежали к этнической груп-

¹ J. Needham, *Science and Civilisation in China*. Vol. 6, Pt 5, pp. 19.

² Antonio Pigafetta, *Magellan's Voyage*, trs. R. A. Skelton, Yale UP, New Haven, Conn., 1969, p. 56 [Антонио Пигафетта. «Путешествия Магеллана», под редакцией Р. А. Скелтона].

³ R. H. Van Gulik, *Sexual Life in Ancient China*, Leiden, 1961, pp. 308 [Р. Х. Ван Гулик. «Сексуальная жизнь в Древнем Китае»].

пе, именуемой «танка». Танка были дальними потомками переселившегося на побережья Китая племени, специализировавшегося на ловле жемчуга. Они говорили на особом диалекте и отличались от китайских женщин тем, что отказывались бинтовать себе ступни. Танка запрещалось сходить на берег в порту, куда заходили корабли, и выходить замуж за китайцев. Они посещали великолепные банкеты, которые устраивали капитаны того или иного судна, и умели пить, не пьянея, — этому, между прочим, их специально обучали, поскольку на банкетах вообще пили очень много. Девушки танка были довольно образованными и знали до тонкостей искусство любви. Кроме того, они должны были уметь развлекать знатных путешественников, а потому неплохо играли в карты и шахматы, пели песенки, подыгрывая себе на музыкальном инструменте, хорошо танцевали, были обучены манерам, подобающим театральной актрисе, и могли при случае поставить и сыграть пьеску. В большинстве своем они были буддистками. Будду они принимали безоговорочно, возможно, по той причине, что он в своем учении никогда никого не осуждал, призывал ко вселенской любви и в равной степени сочувствовал всем людям, будь то император, посудомойка или проститутка.

Надо сказать, что наложниц из-за их профессии никто не осуждал. Они считались полезными и более того, необходимыми членами общества и занимали на социальной лестнице вполне определенное, освященное традицией и веками место. Секс же рассматривался как данное человеку Небом наслаждение, и его роль в китайском обществе нельзя недооценивать. «Из всех десяти тысяч вещей, созданных Небом, самое ценное — мужчина. Из всех вещей, которые доставляют мужчине удовольствие, ничто не сравнится с сексуальным актом. Это истинное благословение небес»¹. Все мужчины имели право владеть наложницами; основным же критерием при подборе женщин на эту роль считалась красота. «Ни положение, ни богатство ничего не

¹ Там же, стр. 125.

значат там, где единственным мерилom может быть лишь физическое совершенство»¹.

Китайские властители часто приглашали в Пекин глав зависимых от них государств, и те, бросив семьи, совершали длительное путешествие по морю, чтобы добраться до столицы Поднебесной. Время пребывания в странствии им скрашивали красивые наложницы, чьи ласки невозможно было забыть. Ничего удивительного, что, раз побывав в Китае, иностранные вельможи возвращались туда по первому же зову императора.

В сексуальных играх наложницы часто применяли всевозможные возбуждающие средства. Самым популярным из них было вино, настоянное на красных ящерицах, пойманных в момент соития и в таком виде запечатанных в сосуде. Прежде чем подобное вино поступало в продажу, его выдерживали не менее года. Популярны в этом смысле были также мази, изготовленные из гениталий бобра или другого «похотливого» животного, которыми натирали пенис гостя, и так называемый «эликсир лысой курицы»². Этот знаменитый эликсир получил свое название вследствие забавного случая, приключившегося с префектом провинции Шу (Shu), который начал употреблять это средство, когда ему минуло 70. Средство оказалось настолько действенным, что жена префекта не могла ни ходить, ни сидеть и стала просить мужа, чтобы он этот эликсир вылил. Муж, вняв мольбам жены, так и поступил. Как гласит предание, дворовый петух выпил эту жидкость, вскочил на курицу и «непрерывно соединялся с ней на протяжении нескольких дней. При этом он постоянно клевал свою подругу в голову, и с такой страстью, что выклевал у нее на голове все перья»³.

«Классическая» постель наложницы была декорирована символическими плодами. На деревянном изголовье вырезали изображение веточки цветущей сливы — слива

¹ Там же, стр. 265.

² Там же, стр. 133.

³ Там же.

считалась символом сексуального наслаждения и удовлетворения плотской страсти. Персик символизировал женские гениталии, а гранат — наружные женские половые органы. Когда зарубежные вельможи или послы поднимались на борт «плавучей сокровищницы», им часто преподносили в подарок плоды граната. В светлое время суток наложницы носили широкие, просторные брюки или шаровары. Когда же они занимались любовью, то обычно надевали «мосон» (mo-hsiong) — нечто вроде алого шелкового бюстгалтера и шелковые чулки. Наложницы и их гости омывали тела как до, так и после полового акта. Уже тогда были в ходу мужские презервативы, именовавшиеся «йин-чя» (yin-chia), а также различные вагинальные средства вроде желе «агар-агар», служившие в качестве смазок и увлажнителей и обладавшие легким антисептическим действием. Венерические заболевания в эпоху «плавучих сокровищниц» встречались крайне редко, хотя в позднюю эпоху Мин они стали распространяться с ужасающей быстротой.

Главной целью куртизанки было заполучить человека, который бы ее полюбил и навсегда связал с ней свою жизнь. Часто бывало, что после возвращения из Китая тот или иной иноземный вельможа выражал желание, чтобы его наложница сошла с ним на берег и осталась на его родине. На корабле же наложница пользовалась уважением и находилась под защитой закона и командира судна. Если же ей не удавалось осуществить свою мечту и она становилась слишком стара, чтобы привлечь внимание мужчины, ей поручали работу наставницы, и она обучала молодых женщин петь и танцевать. Часто после отъезда иноземного вельможи или посланника выяснялось, что наложницы от них беременны. Что происходило с детьми наложниц, анналы умалчивают.

В ожидании гостя наложницы не сидели без дела и, вполне вероятно, выполняли кое-какие нетяжелые работы — готовили, мотали шелк, шили, плели канаты или присматривали за растениями в кадках — до того момента, когда иностранный вельможа или посол призывал их к себе для оказания определенного рода услуг. Часто им

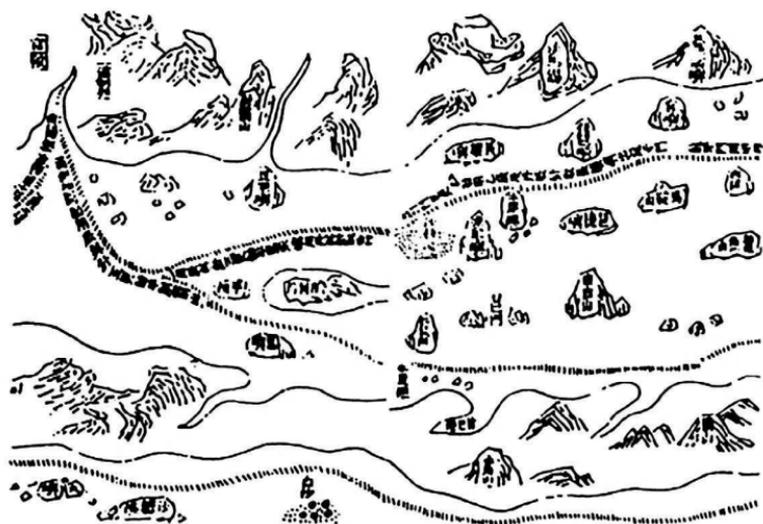
бывало одиноко, поскольку евнухи компанию с наложницами не водили, а простого матроса за одну только попытку приблизиться к помещению, где они обитали, казнили.

Когда огромные корабли Золотого флота Чжэн Хэ плыли на юг, выполняя первую часть возложенной на флот миссии, их подгоняли дувшие в корму и наполнявшие паруса сильные муссонные ветры. Испококу веку установившиеся в этом районе муссоны задавали отходившим от побережья Китая кораблям привычное направление — от портов Китая через Индийский океан к берегам Индии и Африки. Такие порты, как Малакка, получили свое развитие в связи с необходимостью складировать товары в перерывах между муссонами: юго-западным в июле и северо-восточным в январе. Китайцы, отправляясь в путешествие, использовали северо-восточный муссон, чтобы добраться до Индии, а домой возвращались со следующим муссоном. Юго-западный муссон достигал территории Индии в июле — несколькими неделями раньше, чем он добирался до побережья Китая. Таким образом, корабль, отплывающий из Индии с северо-западным муссоном, достигал Малакки еще до того, как китайцы начинали ставить паруса и отчаливали от своего побережья. Он разгружался и отправлялся домой как раз к тому времени, когда китайские джонки входили в бухту Малакки.

В соответствии с записями Ма Хуаня, флот Чжэн Хэ прибыл в Малакку через 6 недель после того, как высокие зарубежные гости покинули Пекин. Порт в Малакке был основан китайцами как перевалочная база для кораблей, возивших специи с Молуккас (Moluccas), или Островов пряностей (Молуккские острова современной Индонезии), и в скором времени сделался центром торговли китайским фарфором и индийским текстилем, превратившись в крупнейший порт Индийского океана. Малакка находится на полпути между Индией и Китаем на расстоянии 120 миль от современного Сингапура, контролирует Малаккский пролив, через который идет основной поток судов из Индии в Китай, и предоставляет кораблям для стоянки просторную бухту, защищенную от штормов кольцом островков и остро-

вов. Неподалеку от Малакки находились оловянные рудники, протекала полноводная река и росли рощи тиковых деревьев. Все это, вместе взятое, делало Малакку практически идеальным торговым портом и местом для стоянки и ремонта кораблей. Торговля специями процветала и продолжала приносить огромный доход, позволявший купцам, торговцам и капитанам торговых судов с легкостью составлять себе огромные состояния. Кстати сказать, попытка контролировать торговлю специями и стала одной из главных причин, заставивших португальцев, а позже испанцев и других европейцев бросить вызов Мировому океану.

Китайцы, помимо особенно опекаемых ими Малакки и Кожикоды на юго-западном побережье Индии, создали и так или иначе поддерживали разветвленную сеть портовых городов поменьше, охватывавшую Юго-Восточную Азию и страны бассейна Индийского океана. Чжэн Хэ использовал эти порты в качестве баз для своего Золотого флота, где его корабли могли запастись продовольствием и свежей водой на всем протяжении пути от Китая до Вос-

Изображение Малаккского пролива на карте «Мао Кун»
(из лоции «У Пэй Чи»). В верхнем левом углу — Малакка, внизу — Суматра

точной Африки. Этим портам отводилось также чрезвычайно важное место в грандиозных планах императора Чжу Ди: превращения всего обитаемого мира в данника Поднебесной империи. В 1421 г. торговлю в странах бассейна Индийского океана контролировали Китай и арабские государства, находившиеся на территории Египта и побережье нынешнего Персидского залива. Отношения между Китаем и этими государствами были дружескими. Подобно всем остальным нациям мира, арабы чрезвычайно высоко ценили китайский фарфор и шелк, и экипажи китайских джонок, груженные этими бесценными сокровищами, всегда находили теплый прием в арабских портах.

«В докладе из Мекки, Ваше превосходительство, говорится, что множество джонок, прибывших из Китая, бросили якоря в портах Индии, а две из них стали на якорь в порту Адена. К сожалению, находившиеся на них товары, как то: изделия из фарфора, шелк, мускус и тому подобные, не были должным образом выгружены на берег и складированы из-за беспорядков, имеющих ныне место в государстве Йемен. Султан направил туда послание, в котором предложил препроводить китайские корабли для стоянки в Джидду, оказав при этом китайским морякам всевозможные почести»¹.

Китайские и арабские торговцы пользовались примерно равным влиянием в великом индийском порту Кожикодде. Ормуз в Персидском заливе, Малинди, Килва и Занзибар (Malindi, Kilwa, Zanzibar) в Восточной Африке являлись арабскими портами, впрочем, они интенсивно использовались и китайцами. Но Малакка была фактически китайской колонией и считалась важнейшим китайским форпостом в этом регионе.

«Формально эту территорию [Малакку] нельзя назвать страной или государством. Короля там нет, и управляется она племенным вождем. Земли эти находятся в юрисдикции Синь-Ло (Hsien Lo) [Таиланда]; жители выплачивают ежегодную дань в размере

¹ Ibn Taghri-Birdi, *A History of Egypt, 1382–1469 AD*, Berkeley, California, 1954 [Ибн Тагри-Бирди. «История Египта 1382–1469 гг.»].